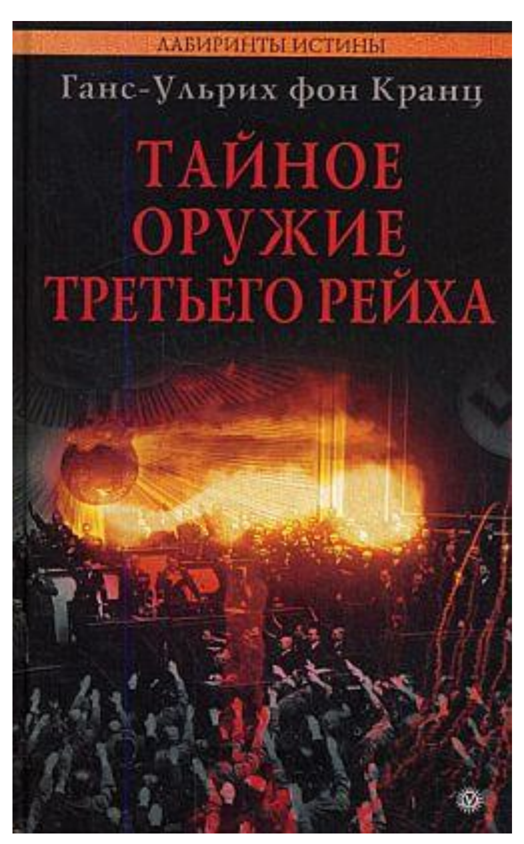
фон Кранц Ганс-Ульрих

Тайное оружие Третьего рейха

Предисловие издательства

Сегодня в серии «Лабиринты истины» мы представляем книгу, от публикации которой отказались десятки издательств по всему миру. Уж слишком невероятными и не укладывающимися в привычные схемы кажутся факты, собранные на ее страницах. Тем не менее эта книга разошлась по всему миру миллионными тиражами. Сегодня она появилась и в России.

Думаем, Ганса-Ульриха фон Кранца не нужно представлять отечественному читателю. На русском языке уже опубликованы три книги этого неутомимого исследователя, одного из крупнейших знатоков Третьего рейха. Книги, срывающие покров тайны с глубоко спрятанных секретов, заставляющие по-новому взглянуть на, казалось бы, давно известные вещи. Наверное, именно поэтому они уже успели полюбиться российскому читателю.

А того, кто еще не держал в руках книги фон Кранца, поспешим ввести в курс дела. Автор – этнический немец, отец которого, будучи офицером СС, после войны бежал в Аргентину, чтобы избежать судебного преследования. Лишь после смерти отца Ганс-Ульрих узнал, что тот был причастен к деятельности самой загадочной организации нацистской Германии – института «Аненэрбе» («Наследие предков»). И с этого момента добропорядочный буржуа превратился в неутомимого и талантливого исследователя, настоящего сталкера, охотника за сенсационными секретами.

Если прочесть книги Кранца, а затем посмотреть на его фотографию, возникает весьма странное ощущение. Перелистывая страницы «Наследия предков» или «Свастики во льдах», представляешь автора молодым, подтянутым человеком с волевыми чертами лица и стальным взглядом – такой жесткой динамикой, такой захватывающей интригой наполнена каждая строчка этих книг. С фотографии же на нас смотрит обычный пятидесятилетний человек, загорелый блондин с глубокими залысинами, склонный к полноте, со спокойным, безмятежным лицом. Такое «раздвоение личности» далеко не случайно. Фон Кранцу долгие годы, пока он не решился выпустить в свет свою первую книгу (посвященную как раз «Наследию предков»), пришлось вести фактически двойную жизнь. И мало кто мог заподозрить, что под внешностью примерного буржуа, типичного менеджера средней руки или университетского профессора скрывается человек, который готов разрушать стереотипы и вытаскивать на свет божий факты, которые ранее старательно замалчивались или скрывались.

Да-да, именно замалчивались или скрывались. «Зачем?» – удивится читатель. Ведь Гитлер давно покончил жизнь самоубийством, а Третий рейх давно рухнул, проклятый всем цивилизованным миром! По крайней мере, так учат в школе, так говорят с экранов телевизоров. Что ж, каждый из нас волен сделать свой выбор самостоятельно, верить ли ему «голубому экрану» или искать истину. У читателя книг фон Кранца появляется возможность вместе с автором отдернуть полог лжи и полуправды и посмотреть в глаза подлинной истории гитлеровской империи, истории, которая не закончилась с капитуляцией Германии. Потому что рядом с Гитлером и за его спиной стояли весьма могущественные силы, которые действуют по сегодняшний день, стремясь скрыть сам факт своего существования.

С момента своего появления книги Ганса-Ульриха фон Кранца вызвали бурю критики, которая, впрочем, послужила только лишним подтверждением того, что неутомимый исследователь попал в точку. Более того, на его жизнь совершили покушение. Тем не менее даже угроза жизни не заставила Кранца свернуть с намеченного пути. Одна книга выходила за другой, по мере того как отважному исследователю удавалось распутать все новые и новые клубки лжи, обнаруживая в них надежно спрятанную нить истины. На данный момент увидели свет около десятка книг Кранца, и мы надеемся, что это далеко не предел.

Книга, которую вы держите в руках, посвящена ядерной программе Третьего рейха – малоизвестной теме, вернее, известной, но далеко не с той стороны, с какой ее раскрывает фон Кранц. О германской ядерной программе написана масса книг и статей, причем все авторы признают, что немцы долгое время лидировали в этой области, но сообщают о конечной неудаче. Объясняется этот парадокс самыми различными, часто довольно глупыми причинами. Однако их все-таки можно было бы принять на веру, если б не одно удивительное обстоятельство…

Впрочем, не будем забегать вперед. Пересказывать содержание книг фон Кранца было бы неблагодарной работой. Поэтому оставляем вас наедине с очередным блестящим произведением Кранца, которое, без сомнения, заставит вас по-новому взглянуть на многие, казалось бы, давно известные факты.

К МОИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Мог ли Гитлер выиграть войну? Об этом историки спорят уже не одно десятилетие. Еще не отгремели залпы той кровавой войны, а уже начались жестокие схватки на страницах книг.

Германские генералы кричали, что были на волосок от победы. Вот если б им не мешал злокозненный фюрер, который своими глупыми приказами не давал армии размазать русских по стенке… Англичане и американцы вторят им: да-да, русские не умели сражаться, они завалили немцев трупами. Но и немцы не лучше – вот если б они вовремя построили реактивные истребители… да чуть пораньше пустили в дело свои ракеты…

Весь этот шум призван замаскировать правду, страшную и неприятную правду. Германия действительно была на волосок от победы – по крайней мере, над англо-американцами. И вовсе не благодаря своим генералам, которым Гитлер, кстати, совершенно справедливо давал по шее. И не благодаря реактивным истребителям или ракетам «Фау». Все это – детские игрушки по сравнению с тем оружием, которым обладал Третий рейх. Оружием, о котором до сих пор боятся вспоминать немногие посвященные. И о котором я расскажу вам на страницах этой книги.

Разумеется, я сильно рискую. Один раз меня чуть не отправили на тот свет – подозреваю, что именно за мои писания, потому что больше вроде бы и не за что. Зачем тогда я публикую эту историю? Ради денег или популярности? Да нет. Денег у меня и так хватает – не Гейтс, конечно, но жаловаться грех. Я не стремлюсь сверкать в зените славы, становиться всеобщим любимцем или, наоборот, объектом всеобщей пламенной ненависти. Я просто хочу рассказать людям правду, которую сам предпочел бы не знать. Иногда я мечтаю о тихой, спокойной обеспеченной старости в собственном домике на берегу моря. Но у каждого человека есть свое предназначение на этой голубой планете, и мое предназначение – совершенно иное.

Кто я такой и почему сую свою голову в петлю? Что ж, читатель имеет право знать это заранее, чтобы решить, стоит ли мне доверять. Я не принадлежу к славной когорте профессиональных историков, тем не менее знаю побольше многих из них.

Родился я в Аргентине в 1950 году. Мой отец эмигрировал (вернее сказать – бежал) сюда из Германии после поражения во Второй мировой войне. Дело в том, что он был офицером СС. Но не тем, которые стояли на сторожевых вышках многочисленных концлагерей. И не тем, которые сражались на фронте в составе элитных частей. Когда нацисты пришли к власти, мой отец был молодым, но подававшим большие надежды ученым, занимавшимся историей и традициями древних германцев. Достаточно быстро все эти исследования забрало под свое покровительство всемогущее СС Генриха Гиммлера. Перед моим отцом встал очень простой выбор: либо стать эсэсовцем, либо отказаться от изучения любимой темы. Он выбрал первое. История показала, что это был неверный выбор, но можем ли мы сегодня обвинять его в этом?

О своем прошлом отец рассказывал мало и неохотно. С друзьями, бежавшими в Аргентину вместе с ним, общался, что называется, за закрытыми дверями. Иногда (но не часто) у него бывали странные посетители, с которыми он запирался в своем рабочем кабинете. Об этой стороне его жизни мы, дети, не знали ровным счетом ничего, тем более что такие вещи случались очень редко.

Наверное, именно нежелание отца рассказывать о Третьем рейхе подстегнуло мой интерес к этой части германской истории. Начиная со студенческих лет я жадно читал книги, посвященные гитлеровской Германии и Второй мировой войне. Однако ни в одной из них я не смог прочесть того, что поведали мне документы, найденные после смерти отца в простеньком металлическом сейфе, хранившемся с незапамятных времен на чердаке нашего дома.

Эти бумаги, посвященные самым загадочным сторонам истории Третьего рейха, заставили меня взяться за исследования. В них я прочел о неизвестных мне ранее и шокирующих вещах: о таинственном проекте «Аненэрбе» («Наследие предков»), о связях нацистского руководства с оккультными силами, о секретной антарктической базе, о прорывных научных исследованиях, результаты которых не были превзойдены даже 20 лет спустя после окончания войны… Их держали в секрете и побежденные, и победители. Потому что эти тайны были способны полностью взорвать наши представления о нацистской империи. Ведь долгое время историки внушали нам образ нацистского режима как полного банкрота, терпевшего крах во всех своих начинаниях.

Может быть, на каком-то этапе это было правильным, но нельзя же десятилетия подряд кормить людей одной и той же сказкой! Потому что в действительности этот чудовищный, демонический, преступный режим достиг в некоторых областях таких успехов, которые и не снились остальному человечеству. Об этом ясно говорили, буквально кричали документы, доставшиеся мне в наследство.

И я начал расследование, которое заняло у меня 12 лет. За это время я многократно рисковал своим добрым именем и даже жизнью, попадал в различные переделки, терял и снова находил концы тоненьких нитей, ведущих к скрытой во мраке истине. Но, оглядываясь назад, я не жалею о том, что избрал этот путь. И от всего сердца надеюсь, что плоды моих усилий не пропадут бесследно.

Несмотря на долгие годы, посвященные изучению нацистской Германии, работа над этой книгой открыла передо мной новые неожиданные горизонты. Начиная ее, я не мог предположить, что немцам удалось создать свою атомную бомбу, которая лишь случайно не была использована ими. Мне даже в страшном сне не виделось другого кошмарного оружия, которое было создано с использованием той же радиации.

Но не буду забегать вперед. Разверну перед читателем картину постепенно, так, как она разворачивалась передо мной. В путь, друзья!

Глава 1. МАНХЭТТЕНСКИЙ ОБМАН

Истина в предпоследней инстанции

На свете есть не так много вещей, которые считаются бесспорными. Ну, что солнце восходит на востоке и заходит на западе, вы, я думаю, в курсе. И что Луна вращается вокруг Земли – тоже. И насчет того, что американцы первыми создали атомную бомбу, опередив и немцев, и русских.

Так считал и я, пока года четыре назад мне в руки не попал один старинный журнал. Мои убеждения насчет солнца и Луны он оставил в покое, а вот веру в американское лидерство поколебал довольно серьезно. Это был пухлый том на немецком языке – подшивка журнала «Теоретическая физика» за 1938 год. Уже не помню, зачем я туда полез, но совершенно неожиданно для себя наткнулся на статью профессора Отто Гана.

Имя было мне хорошо знакомом. Именно Ган, знаменитый немецкий физик и радиохимик, открыл в 1938 году совместно с другим крупным ученым – Фрицем Штраусманом – деление уранового ядра, фактически дав старт работам по созданию ядерного оружия. Сначала я просто пробегал статью взглядом по диагонали, но затем совершенно неожиданные фразы заставили меня стать внимательнее. И в конечном счете – даже забыть о том, для чего я изначально взял в руки этот журнал.

Статья Гана была посвящена обзору атомных разработок в разных странах мира. Собственно говоря, обозревать было особо нечего: везде, кроме Германии, ядерные исследования находились в загоне. В них не видели особого смысла. «Эта отвлеченная материя не имеет никакого отношения к государственным нуждам», – сказал примерно в это же время премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен, когда его попросили поддержать английские атомные исследования бюджетными деньгами. «Пусть эти ученые очкарики сами ищут деньги, у государства полным-полно других проблем!» – так считало в 30-е годы большинство мировых лидеров. За исключением, конечно, нацистов, которые ядерную программу как раз финансировали.

Но отнюдь не пассаж Чемберлена, заботливо процитированный Ганом, привлек мое внимание. Англия вообще не слишком интересует автора этих строк. Гораздо интереснее было то, что Ган написал о состоянии ядерных исследований в Соединенных Штатах Америки. А написал он буквально следующее:

Если говорить о стране, в которой процессам деления ядра уделяется наименьшее внимание, то следует, несомненно, назвать США. Разумеется, сейчас я не рассматриваю

Бразилию или Ватикан. Однако среди развитых стран даже Италия и коммунистическая Россия значительно опережают США. Проблемам теоретической физики по ту сторону океана уделяется мало внимания, приоритет отдается прикладным разработкам, которые могут дать немедленную прибыль. Поэтому я могу с уверенностью утверждать, что в течение ближайшего десятилетия североамериканцы не смогут сделать что-либо существенное для развития атомной физики.

Сначала я просто посмеялся. Надо же, как ошибался мой соотечественник! И только потом задумался: как ни крути, Отто Ган не был простачком или дилетантом. О состоянии атомных исследований он был информирован прекрасно, тем более что до начала Второй мировой войны эта тема свободно обсуждалась в научных кругах.

Может быть, американцы дезинформировали весь мир? Но с какой целью? Об атомном оружии в 30-е годы еще никто не помышлял. Более того, большинство ученых считали его создание невозможным в принципе. Именно поэтому до 1939 года обо всех новых достижениях в атомной физике мгновенно узнавал весь мир – они совершенно открыто публиковались в научных журналах. Никто не скрывал плодов своего труда, наоборот, между различными группами ученых (почти исключительно немцев) шло открытое соперничество – кто быстрее продвинется вперед?

Может, ученые в Штатах опередили весь мир и потому держали свои достижения в секрете? Недурное предположение. Чтобы подтвердить или опровергнуть его, нам придется рассмотреть историю создания американской атомной бомбы – по крайней мере, такую, какой она предстает в официальных публикациях. Все мы привыкли принимать ее на веру как нечто само собой разумеющееся. Однако при ближайшем рассмотрении в ней находится столько странностей и неувязок, что просто диву даешься.

С миру по нитке – Штатам бомба

Тысяча девятьсот сорок второй год начинался для англичан неплохо. Вторжение немцев на их маленький остров, казавшееся неминуемым, теперь, как по волшебству, отступило в туманную даль. Прошлым летом Гитлер сделал главную ошибку в своей жизни – напал на Россию. Это было началом конца. Русские не только выстояли вопреки надеждам берлинских стратегов и пессимистическим прогнозам множества наблюдателей, но и хорошо дали вермахту по зубам морозной зимой. А в декабре на помощь британцам пришли большие и могущественные Соединенные Штаты, которые стали теперь официальным союзником. В общем оснований для радости было хоть отбавляй.

Не радовались только несколько высокопоставленных лиц, владевших информацией, которую получила британская разведка. В конце 1941 года англичанам стало известно, что немцы бешеными темпами развивают свои атомные исследования. Стала ясна и конечная цель этого процесса – ядерная бомба. Английские ученые-атомщики были достаточно компетентны, чтобы представить себе, какую угрозу несет новое оружие.

В то же время британцы не строили иллюзий относительно своих возможностей. Все ресурсы страны были направлены на элементарное выживание. Хотя немцы и японцы были по горло заняты войной с русскими и американцами, они время от времени находили возможность ткнуть кулаком ветхое здание Британской империи. От каждого такого тычка трухлявая постройка шаталась и скрипела, грозя обрушиться. Три дивизии Роммеля сковывали в Северной Африке почти всю боеспособную британскую армию. Подводные лодки адмирала Дёница, как хищные акулы, шныряли в Атлантике, грозя прервать жизненно важную нить снабжения из-за океана. У Британии просто не было ресурсов для того, чтобы вступить с немцами в ядерную гонку. Отставание и так было большим, а в самое ближайшее время оно грозило стать безнадежным.

И тогда англичане пошли единственным путем, который сулил хоть какую-то выгоду. Они решили обратиться к американцам, которые располагали необходимыми ресурсами и могли швырять деньги направо и налево. Британцы готовы были поделиться своими достижениями, чтобы ускорить процесс создания общей атомной бомбы.

Надо сказать, что американцы к такому подарку отнеслись поначалу скептически. Военное ведомство в упор не понимало, зачем ему тратить деньги на какой-то маловразумительный проект. Какое там еще новое оружие? Вот авианосные группировки и армады тяжелых бомберов – это да, это сила. А ядерная бомба, которую и сами ученые представляют себе весьма смутно, – это всего лишь абстракция, бабушкины сказки. Пришлось британскому премьеру Уинстону Черчиллю напрямую обратиться к американскому президенту Франклину Делано Рузвельту с просьбой, буквально мольбой, не отвергать английский подарок. Рузвельт вызвал к себе ученых, разобрался в вопросе и дал добро.

Обычно создатели канонической легенды об американской бомбе используют этот эпизод, чтобы подчеркнуть мудрость Рузвельта. Вот, глядите, какой проницательный президент! Мы же посмотрим на это немного другими глазами: в каком же загоне находились у янки атомные исследования, если они так долго и упорно отказывались сотрудничать с британцами! Значит, Ган был совершенно прав в своей оценке американских ядерщиков – ничего солидного они собой не представляли.

Только в сентябре 1942 года было принято решение о начале работ над атомной бомбой. Организационный период занял еще некоторое время, и по-настоящему дело сдвинулось с мертвой точки лишь с наступлением нового, 1943 года. От армии работу возглавил генерал Лесли Гроувз (впоследствии он напишет мемуары, в которых подробно изложит официальную версию происходившего), реальным руководителем был профессор Роберт Оппенгеймер. О нем я расскажу подробно чуть позднее, а пока полюбуемся на еще одну любопытную деталь – как формировался коллектив ученых, начавших работу над бомбой.

Собственно говоря, когда Оппенгеймеру предложили навербовать специалистов, выбор у него был крайне невелик. Хороших физиков-ядерщиков в Штатах можно было пересчитать по пальцам искалеченной руки. Поэтому профессор принял мудрое решение – набрать людей, которых он знает лично и которым может доверять, вне зависимости от того, какой областью физики они занимались раньше. Так и вышло, что львиная доля мест была занята сотрудниками Колумбийского университета из округа Манхэттен (кстати, именно поэтому проект получил название Манхэттенского). Но и этих сил оказалось мало. К работе пришлось привлечь британских ученых, буквально опустошив английские научные центры, и даже специалистов из Канады. В общем Манхэттенский проект превратился в некое подобие Вавилонской башни, с той только разницей, что все его участники говорили худо-бедно на одном языке. Однако это не спасало от обычных в ученом сообществе свар и склок, возникавших из-за соперничества разных научных групп. Отголоски этих трений можно найти на страницах книги Гроувза, причем выглядят они очень забавно: генерал, с одной стороны, хочет убедить читателя, что все было чинно и благопристойно, а с другой – похвастаться, как ловко ему удавалось мирить вконец перессорившихся научных светил.

И вот нас пытаются убедить, что в этой дружной обстановке большого террариума американцам удалось за два с половиной года создать атомную бомбу. А немцам, которые весело и дружно корпели над своим ядерным проектом пять лет, этого не удалось. Чудеса, да и только.

Впрочем, даже если бы никаких склок не было, такие рекордные сроки все равно вызывали бы подозрение. Дело в том, что в процессе исследования нужно пройти определенные этапы, сократить которые практически невозможно. Сами американцы объясняют свой успех гигантским финансированием – в конечном счете на Манхэттенский проект было потрачено более двух миллиардов долларов! Однако, как ни корми беременную

женщину, она все равно не сможет родить доношенного ребенка раньше чем через девять месяцев. То же самое и с атомным проектом: существенно ускорить, например, процесс обогащения урана невозможно.

Немцы трудились пять лет с полным напряжением сил. Конечно, бывали у них и ошибки, и просчеты, которые отнимали драгоценное время. Но кто сказал, что у американцев ошибок и просчетов не было? Были, причем много. Одной из таких ошибок стало привлечение к работе знаменитого физика Нильса Бора.

Неизвестная операция Скорцени

Английские спецслужбы очень любят похвастаться одной из своих операций. Речь идет о спасении из нацистской Германии великого датского ученого Нильса Бора.

Официальная легенда гласит, что после начала Второй мировой войны выдающийся физик тихо и спокойно жил в Дании, ведя достаточно уединенный образ жизни. Нацисты много раз предлагали ему сотрудничество, но Бор неизменно отказывался. К 1943 году немцы все-таки решили его арестовать. Но, вовремя предупрежденный, Нильс Бор сумел бежать в Швецию, откуда англичане вывезли его в бомбовом отсеке тяжелого бомбардировщика. К концу года физик оказался в Америке и начал ревностно работать на благо Манхэттенского проекта.

Легенда красивая и романтичная, вот только шита она белыми нитками и не выдерживает никаких проверок. Достоверности в ней не больше, чем в сказках Шарля Перро. Во-первых, потому, что нацисты выглядят в ней законченными идиотами, а они такими никогда не являлись. Подумайте хорошенько! В 1940 году немцы оккупируют Данию. Они знают, что на территории страны живет нобелевский лауреат, который может оказать им большую помощь в работе над атомной бомбой. Той самой атомной бомбой, которая жизненно важна для победы Германии. И что они делают? Они в течение трех лет изредка наведываются к ученому, вежливо стучат в дверь и тихонько спрашивают: «Герр Бор, Вы не хотите поработать на благо фюрера и рейха? Не хотите? Ну ладно, мы попозже еще зайдем». Нет, не таким был стиль работы германских спецслужб! По логике вещей, они должны были арестовать Бора не в 1943, а еще в 1940 году. Если получится – заставить (именно заставить, а не упросить!) работать на них, если нет – по крайней мере, сделать так, чтобы он не смог работать на врага: посадить в концлагерь или уничтожить. А они оставляют его спокойно разгуливать на свободе, под носом у англичан.

Через три года – гласит легенда – до немцев наконец доходит, что они по идее должны арестовать ученого. Но тут некто (именно некто, потому что я нигде не нашел указаний на то, кто это сделал) предупреждает Бора о грозящей опасности. Кто это мог быть? В привычки гестапо не выходило кричать на каждом углу о готовящихся арестах. Людей брали тихо, неожиданно, ночью. Значит, таинственный покровитель Бора – кто-то из довольно высокопоставленных чиновников.

Оставим пока этого таинственного ангела-спасителя в покое и продолжим анализировать странствия Нильса Бора. Итак, ученый бежал в Швецию. Как вы думаете, каким образом? На рыбачьей лодке, обходя в тумане катера германской береговой охраны? На сколоченном из досок плоту? Как бы не так! Бор с максимально возможным комфортом уплыл в Швецию на самом обычном частном пароходе, официально зашедшем в порт Копенгагена.

Не будем пока ломать голову над вопросом, как немцы выпустили ученого, если собирались его арестовать. Подумаем лучше вот о чем. Бегство физика с мировым именем – это чрезвычайное происшествие весьма серьезного масштаба. По этому поводу должно было неизбежно проводиться расследование – полетели бы головы тех, кто прошляпил физика, а также таинственного покровителя. Однако никаких следов такого расследования обнаружить попросту не удалось. Может быть, потому, что его и не было.

Действительно, насколько большую ценность представлял Нильс Бор для разработки атомной бомбы?

Родившийся в 1885 году и ставший нобелевским лауреатом в 1922-м, Бор обратился к проблемам ядерной физики только в 30-е годы. В то время он был уже крупным, состоявшимся ученым с вполне сформировавшимися взглядами. Такие люди редко добиваются успеха в областях, где нужен новаторский подход и нестандартное мышление – а именно такой областью была ядерная физика. За несколько лет Бору так и не удалось внести сколько-нибудь существенный вклад в атомные исследования. Однако, как говорили древние, первую половину жизни человек работает на имя, вторую – имя на человека. У Нильса Бора эта вторая половина уже началась. Занявшись ядерной физикой, он автоматически стал считаться крупным специалистом в этой области вне зависимости от своих реальных достижений. Но в Германии, где трудились такие всемирно известные ядерщики, как Ган и Гейзенберг, реальную цену датскому ученому знали. Именно поэтому его не особо активно пытались привлечь к работам. Получится – хорошо, раструбим на весь мир, что на нас работает сам Нильс Бор. Не выйдет – тоже неплохо, не будет под ногами путаться со своим авторитетом.

Кстати, в Соединенных Штатах Бор в значительной степени именно путался под ногами. Дело в том, что выдающийся физик вообще не верил в возможность создания ядерной бомбы. В то же время его авторитет заставлял считаться с его мнением. Если верить воспоминаниям Гроувза, работавшие в рамках Манхэттенского проекта ученые относились к Бору как к старейшине. А теперь представьте себе, что вы делаете какую-то сложную работу без всякой уверенности в конечном успехе. И тут к вам подходит кто-то, кого вы считаете большим специалистом, и говорит, что на ваше занятие не стоит даже время тратить. Легче ли пойдет работа? Не думаю.

Кроме того, Бор был убежденным пацифистом. В 1945 году, когда у Штатов уже была атомная бомба, он категорически протестовал против ее использования. Соответственно, и к работе своей относился с прохладцей. Поэтому призываю еще раз задуматься: чего больше привнес Бор – движения или застоя в разработке вопроса?

Странная складывается картинка, не правда ли? Немного проясняться она стала после того, как я узнал одну интересную деталь, казалось бы никакого отношения ни к Нильсу Бору, ни к атомной бомбе не имеющую. Речь идет о «главном диверсанте Третьего рейха» Отто Скорцени.

Считается, что возвышение Скорцени началось после того, как в 1943 году он освободил из заключения итальянского диктатора Бенито Муссолини. Посаженный в горную тюрьму своими прежними соратниками, Муссолини не мог, казалось бы, надеяться на освобождение. Но Скорцени по прямому указанию Гитлера разработал дерзкий план: высадить десант на планерах и потом улететь на маленьком самолетике. Все получилось как нельзя лучше: Муссолини на свободе, Скорцени в почете.

По крайней мере, так считает большинство. Лишь немногие хорошо информированные историки знают, что здесь перепутаны причина и следствие. Скорцени было поручено крайне сложное и ответственное дело именно потому, что Гитлер ему доверял. То есть возвышение «короля спецопераций» началось до истории со спасением Муссолини. Впрочем, совсем незадолго – за пару месяцев. Скорцени был повышен в звании и должности именно тогда, когда Нильс Бор бежал в Англию. Поводов для повышения мне нигде обнаружить не удалось.

Итак, у нас есть три факта. Во-первых, немцы не препятствовали выезду Нильса Бора в Британию. Во-вторых, Бор принес американцам больше вреда, чем пользы. В-третьих, сразу же после того, как ученый оказался в Англии, Скорцени получает повышение по службе. А что, если это детали одной мозаики? Я решил попытаться реконструировать события.

Захватив Данию, немцы прекрасно представляли себе, что Нильс Бор вряд ли окажет помощь в создании атомной бомбы. Более того, будет скорее мешать. Поэтому его оставили спокойно жить в Дании, под самым носом у англичан. Может быть, уже тогда немцы рассчитывали, что британцы похитят ученого. Однако за три года англичане так и не рискнули предпринять что бы то ни было.

В конце 1942 года до немцев начали доходить неясные слухи о начале масштабного проекта по созданию американской атомной бомбы. Даже учитывая секретность проекта, сохранить шило в мешке было решительно невозможно: моментальное исчезновение сотен ученых из разных стран, так или иначе связанных с ядерными исследованиями, должно было натолкнуть любого психически нормального человека на подобные выводы. Нацисты были уверены, что намного опережают янки (а это соответствовало действительности), но сделать гадость противнику это не мешало. И вот в начале 1943 года проводится одна из самых секретных операций германских спецслужб.

На пороге домика Нильса Бора появляется некий доброжелатель, который сообщает ему, что его хотят арестовать и бросить в концлагерь, и предлагает свою помощь. Ученый соглашается – иного выхода у него нет, оказаться за колючей проволокой – не лучшая перспектива. Одновременно англичанам, судя по всему, подсовывается липа о полной незаменимости и уникальности Бора в деле ядерных исследований. Британцы клюют – а что им остается делать, если добыча сама идет к ним в руки, то есть в Швецию? И для полного героизма вывозят Бора оттуда в чреве бомбардировщика, хотя могли бы с комфортом отправить его на корабле.

А потом нобелевский лауреат появляется в эпицентре Манхэттенского проекта, производя эффект взорвавшейся бомбы. То есть, если бы немцам удалось разбомбить исследовательский центр в Лос-Аламосе, эффект был бы примерно тот же. Работа замедлилась, притом весьма существенно. Видимо, американцы далеко не сразу осознали, как их надули, а когда поняли, было уже слишком поздно.

И вы все еще верите в то, что янки сами сконструировали атомную бомбу?

Миссия «Алсос»

Лично я окончательно отказался верить в эти байки после того, как подробно изучил деятельность группы «Алсос». Эта операция американских спецслужб долгие годы держалась в секрете – до тех пор, пока не ушли в лучший мир ее основные участники. И только потом на свет появились сведения – правда, отрывочные и разрозненные – о том, как американцы охотились за немецкими атомными секретами.

Правда, если основательно поработать над этими сведениями и сопоставить их с некоторыми общеизвестными фактами, картина получалась весьма убедительной. Но не буду забегать вперед. Итак, группа «Алсос» была сформирована в 1944 году, в преддверии высадки англо-американцев в Нормандии. Половина членов группы – профессиональные разведчики, половина – ученые-ядерщики. При этом, чтобы сформировать «Алсос», был нещадно обобран Манхэттенский проект – фактически оттуда были взяты лучшие специалисты. Задачей миссии был сбор информации о германской атомной программе. Спрашивается, насколько же отчаялись американцы в успехе своего начинания, если сделали основную ставку на кражу атомной бомбы у немцев?

Отчаялись здорово, если вспомнить малоизвестное письмо одного из ученых-атомщиков своему коллеге. Оно было написано 4 февраля 1944 года и гласило:

Кажется, мы ввязались в безнадежное дело. Проект не продвигается вперед ни на йоту. Наши руководители, по-моему, вообще не верят в успех всего начинания. Да и мы не верим. Если бы не те огромные деньги, которые нам здесь платят, думаю, многие давно уже занялись бы чем-нибудь более полезным.

Это письмо было приведено в свое время в качестве доказательства американских талантов: вот, мол, какие мы молодцы, за год с небольшим вытянули безнадежный проект! Потом в США сообразили, что вокруг не только дураки живут, и поспешили про бумажку забыть. Мне с большим трудом удалось выкопать этот документик в старом научном журнале.

На обеспечение действий группы «Алсос» не жалели денег и сил. Она была прекрасно снабжена всем необходимым. Глава миссии полковник Паш имел при себе документ от министра обороны США Генри Стимсона, который обязывал всех и каждого оказывать группе посильную помощь. Подобных полномочий не имел даже главнокомандующий союзными войсками Дуайт Эйзенхауэр. Кстати, о главнокомандующем – его обязали учитывать в планировании военных операций интересы миссии «Алсос», то есть захватывать в первую очередь те районы, где может быть немецкое атомное оружие.

В начале августа 1944 года, а если быть точным – 9-го числа, группа «Алсос» высадилась в Европе. Научным руководителем миссии был назначен один из ведущих ученых-ядерщиков США – доктор Сэмюэл Гаудсмит. До войны он поддерживал тесные связи с немецкими коллегами, и американцы надеялись, что «международная солидарность» ученых окажется сильнее политических интересов.

Первых результатов «Алсосу» удалось добиться после того, как осенью 1944 года американцы заняли Париж. Здесь Гаудсмит встретился с знаменитым французским ученым профессором Жолио-Кюри. Казалось, Кюри искренне радовался поражениям немцев; однако, как только речь заходила о германской атомной программе, он уходил в глухую «несознанку». Француз твердил, что ничего не знал, ничего не слышал, немцы и близко не подошли к разработке атомной бомбы и вообще их ядерный проект носит исключительно мирный характер. Было ясно, что профессор что-то недоговаривает. Но надавить на него не было никакой возможности – за сотрудничество с немцами в тогдашней Франции расстреливали невзирая на научные заслуги, а смерти Кюри явно боялся больше всего. Поэтому Гаудсмиту пришлось уйти несолоно хлебавши. За все время его пребывания в Париже до него постоянно доходили смутные, но угрожающие слухи: в Лейпциге произошел взрыв «урановой бомбы», в горных районах Баварии отмечены странные вспышки по ночам. Все говорило о том, что немцы не то очень близки к созданию атомного оружия, не то уже создали его.

То, что происходило потом, до сих пор скрыто завесой тайны. Говорят, Пашу и Гаудсмиту все-таки удалось найти в Париже некую ценную информацию. По крайней мере, с ноября Эйзенхауэр постоянно получает требования продвигаться вперед, на территорию Германии, любой ценой. Инициаторами этих требований – теперь это ясно! – в конечном счете оказались люди, связанные с атомным проектом и получавшие информацию напрямую от группы «Алсос». У Эйзенхауэра не было реальной возможности выполнять полученные приказы, однако требования из Вашингтона становились все более жесткими. Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы немцы не сделали очередной неожиданный ход.

Арденнская загадка

Собственно говоря, к концу 1944 года все считали, что война Германией проиграна. Вопрос лишь в том, в какие сроки нацисты потерпят поражение. Другой точки зрения придерживались, похоже, только Гитлер и ближайшее его окружение. Они стремились до последнего оттянуть момент катастрофы.

Это желание вполне понятно. Гитлер был уверен, что после войны его объявят преступником и будут судить. А если тянуть время, можно добиться ссоры между русскими и американцами и в конечном счете выйти сухим из воды, то есть из войны. Не без потерь, конечно, но не утратив власти.

Давайте задумаемся: что было для этого нужно в условиях, когда сил у Германии оставалось всего ничего? Естественно, расходовать их как можно более экономно, держать

гибкую оборону. А Гитлер в самом конце 44-го бросает свою армию в весьма расточительное Арденнское наступление. Зачем? Войскам ставятся совершенно нереальные задачи – прорваться к Амстердаму и сбросить англо-американцев в море. До Амстердама германским танкам было на тот момент как до Луны пешком, тем более что в их баках плескалось горючего меньше чем на половину пути. Напугать союзников? Но что могло напугать отлично накормленные и вооруженные армии, за спиной которых была промышленная мощь США?

В общем, до сих пор ни один историк не смог внятно объяснить, зачем Гитлеру было нужно это наступление. Обычно все заканчивают рассуждением о том, что фюрер был идиотом. Но на деле Гитлер идиотом не был, более того, он до самого конца мыслил достаточно здраво и реалистично. Идиотами можно скорее назвать тех историков, которые выносят поспешные суждения, даже не попытавшись в чем-то разобраться.

Но заглянем на другую сторону фронта. Там творятся еще более удивительные вещи! И дело даже не в том, что немцам удалось добиться первоначальных, правда, довольно ограниченных успехов. Дело в том, что англичане и американцы действительно испугались! Причем испуг был совершенно неадекватен угрозе. Ведь с самого начала было ясно, что сил у немцев мало, что наступление носит локальный характер… Так нет же, и Эйзенхауэр, и Черчилль, и Рузвельт просто-таки впадают в панику! В 1945 году, 6 января, когда немцы были уже остановлены и даже отброшены назад, британский премьер-министр пишет русскому лидеру Сталину паническое письмо, в котором требует немедленной помощи. Вот текст этого письма:

На Западе идут очень тяжелые бои, и в любое время от Верховного Командования могут потребоваться большие решения. Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной потери инициативы. Генералу Эйзенхауэру очень желательно и необходимо знать в общих чертах, что Вы предполагаете делать, так как это, конечно, отразится на всех его и наших важнейших решениях. Согласно полученному сообщению, наш эмиссар главный маршал авиации Теддер вчера вечером находился в Каире, будучи связанным погодой. Его поездка сильно затянулась не по Вашей вине. Если он еще не прибыл к Вам, я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января и в любые другие моменты, о которых Вы, возможно, пожелаете упомянуть. Я никому не буду передавать этой весьма секретной информации, за исключением фельдмаршала Брука и генерала Эйзенхауэра, причем лишь при условии сохранения ее в строжайшей тайне. Я считаю дело срочным.

Если переводить с дипломатического языка на обычный: спасай, Сталин, – нас побьют! В этом заключается еще одна загадка. Какое «побьют», если немцы уже отброшены на исходные рубежи? Да, конечно, американское наступление, запланированное на январь, пришлось перенести на весну. И что? Радоваться надо, что нацисты растратили свои силы в бессмысленных атаках!

И еще. Черчилль спал и видел, как бы не пустить русских в Германию. А теперь он буквально умоляет их не откладывая начать продвижение на запад! Это до какой же степени должен был испугаться сэр Уинстон Черчилль?! Создается впечатление, что замедление продвижения союзников вглубь Германии трактовалось им как смертельная угроза. Интересно почему? Ведь ни дураком, ни паникером Черчилль не был.

И тем не менее последующие два месяца англо-американцы проводят в страшном нервном напряжении. Впоследствии они будут это тщательно скрывать, но правда все равно прорвется на поверхность в их мемуарах. Например, Эйзенхауэр после войны назовет последнюю военную зиму «самым тревожным временем». Что же так тревожило маршала, если война была фактически выиграна? Лишь в марте 1945 года началась Рурская операция, в ходе которой союзники заняли Западную Германию, окружив 300 тысяч немцев.

Командующий германскими войсками в этом районе фельдмаршал Модель застрелился (единственный из всего германского генералитета, кстати). Только после этого Черчилль и Рузвельт более или менее успокоились.

Атомный финал

Но вернемся к группе «Алсос». Весной 1945 года она заметно активизировалась. В ходе Рурской операции ученые и разведчики продвигались вперед чуть ли не вслед за авангардом наступавших войск, собирая ценный урожай. В марте-апреле к ним в руки попадают многие ученые, занятые в немецких ядерных исследованиях. Решающая находка была сделана в середине апреля – 12-го числа члены миссии пишут, что наткнулись «на настоящую золотую жилу» и теперь они «узнают о проекте в основном». К маю в руках американцев оказались и Гейзенберг, и Ган, и Озенберг, и Дибнер, и многие другие выдающиеся немецкие физики. Тем не менее группа «Алсос» продолжала активные поиски в уже побежденной Германии… до конца мая.

А вот в конце мая происходит нечто непонятное. Поиски почти прерываются. Вернее, они продолжаются, но с гораздо меньшей интенсивностью. Если раньше ими занимались крупные ученые с мировым именем, то теперь – безусые лаборанты. А крупные ученые скопом пакуют вещи и отбывают в Америку. Почему?

Чтобы ответить на этот вопрос, посмотрим, как развивались события дальше. В конце июня американцы проводят испытания атомной бомбы – как утверждается, первые в мире. А в начале августа сбрасывают две на японские города. После этого готовые атомные бомбы у янки заканчиваются, причем на довольно продолжительный срок.

Странная ситуация, не правда ли? Начнем с того, что между испытаниями и боевым применением нового супероружия проходит всего месяц. Дорогие читатели, такого не бывает. Сделать атомную бомбу гораздо сложнее, чем обычный снаряд или ракету. За месяц это просто невозможно. Тогда, наверное, американцы делали три опытных образца сразу? Тоже маловероятно. Изготовление ядерной бомбы – процедура очень дорогостоящая. Нет никакого смысла делать три, если не уверен, что делаешь все правильно. Иначе можно было бы создавать три ядерных проекта, строить три научных центра и так далее. Даже США не столь богаты, чтобы проявлять такую расточительность.

Впрочем, хорошо, предположим, что американцы действительно строили три опытных образца сразу. Почему же они не стали сразу после успешных испытаний запускать ядерные бомбы в серийное производство? Ведь сразу после разгрома Германии американцы оказались перед лицом куда более могучего и грозного противника – русских. Русские, конечно, не угрожали США войной, но они мешали американцам стать хозяевами всей планеты. А это, с точки зрения янки, совершенно недопустимое преступление.

И тем не менее новые атомные бомбы у Штатов появились… Как вы думаете когда? Осенью 1945-го? Летом 1946-го? Нет! Только в 1947 году в американские арсеналы стали поступать первые ядерные боеприпасы! Этой даты вы не найдете нигде, но и опровергнуть ее никто не возьмется. Данные, которые мне удалось добыть, абсолютно секретны. Впрочем, они вполне подтверждаются известными нам фактами о последующем наращивании ядерного арсенала. А главное – итогами испытаний в пустынях Техаса, которые проходили в конце 1946 года.

Да-да, дорогой читатель, именно в конце 1946 года, и ни месяцем раньше. Данные об этом были добыты русской разведкой и попали ко мне очень сложным путем, который, наверное, не имеет смысла раскрывать на этих страницах, чтобы не подставить помогавших мне людей. Накануне нового, 1947 года на стол советскому лидеру Сталину лег весьма любопытный отчет, который я приведу здесь дословно.

По данным агента Феликса, в ноябре-декабре текущего года в районе Эль-Пасо, штат Техас, была проведена серия ядерных взрывов. При этом испытывались опытные образцы

ядерных бомб, аналогичных тем, которые сбрасывались на Японские острова в прошлом году. В течение полутора месяцев были испытаны как минимум четыре бомбы, испытания трех закончились неудачно. Данная серия бомб была создана в процессе подготовки к крупномасштабному промышленному выпуску ядерных боеприпасов. Скорее всего, начало подобного выпуска надо ждать не ранее середины 1947 года.

Русский агент полностью подтвердил имевшиеся у меня данные. Но, может быть, все это – дезинформация со стороны американских спецслужб? Вряд ли. В те годы янки пытались уверить своих противников, что они сильнее всех в мире, и не стали бы преуменьшать свой военный потенциал. Скорее всего, мы имеем дело с тщательно скрываемой правдой.

Что же получается? В 1945 году американцы сбрасывают три бомбы – и все успешно. Следующие испытания – тех же самых бомб! – проходят полтора года спустя, причем не слишком удачно. Серийное производство начинается еще через полгода, причем мы не знаем – и никогда не узнаем, – насколько атомные бомбы, появившиеся на американских армейских складах, соответствовали своему страшному назначению, то есть насколько качественными они были.

Такая картина может нарисоваться только в одном случае, а именно: если первые три атомные бомбы – те самые, сорок пятого года – были построены американцами не самостоятельно, а получены от кого-то. Если говорить прямо – от немцев. Косвенно такую гипотезу подтверждает реакция немецких ученых на бомбардировку японских городов, о которой мы знаем благодаря книге Дэвида Ирвинга.

«Бедняга профессор Ган!»

В августе 1945 года десять ведущих немецких физиков-ядерщиков, десять главных действующих лиц «атомного проекта» нацистов, находились в плену в США. Из них вытягивали всю возможную информацию (интересно зачем, если верить американской версии, что янки намного обогнали немцев в атомных исследованиях). Соответственно, содержались ученые в условиях эдакой комфортабельной тюрьмы. Было в этой тюрьме и радио.

Шестого августа в семь часов вечера Отто Ган и Карл Вирц оказались у радиоприемника. Именно тогда в очередном выпуске новостей они услышали о том, что на Японию сброшена первая атомная бомба. Первая реакция коллег, которым они принесли эту информацию, была однозначной: это не может быть правдой. Гейзенберг считал, что американцы не могли создать собственное ядерное оружие (и, как мы знаем сейчас, был прав). «Упоминали ли американцы слово „уран“ в связи со своей новой бомбой?» – спросил он Гана. Последний ответил отрицательно. «Тогда она не имеет ничего общего с атомом» – отрезал Гейзенберг. Выдающийся физик считал, что янки просто использовали какую-то взрывчатку повышенной мощности.

Однако девятичасовой выпуск новостей развеял все сомнения. Очевидно, до той поры немцы просто не предполагали, что американцам удалось захватить несколько германских атомных бомб. Однако теперь ситуация прояснилась, и ученых начали терзать муки совести. Да-да, именно так! Доктор Эрих Багге записал в своем дневнике:

Теперь эту бомбу применили против Японии. Они передают, что даже через несколько часов подвергшийся бомбардировке город скрыт облаком дыма и пыли. Речь идет о смерти 300 тысяч человек. Бедняга профессор Ган!

Более того, тем вечером ученые сильно беспокоились о том, как бы «бедняга Ган» не покончил с собой. Двое физиков дежурили у его постели допоздна, чтобы не дать ему наложить на себя руки, и ушли в свои комнаты только после того, как обнаружили, что их коллега наконец уснул крепким сном. Сам Ган впоследствии так описывал свои впечатления:

Какое-то время мной владела мысль о необходимости сбросить в море все запасы урана, чтобы избежать подобной катастрофы в будущем. Хотя я чувствовал личную ответственность

за происшедшее, я задумался, вправе ли я или кто-либо другой лишать человечество всех тех плодов, которые может принести новое открытие? И вот теперь эта ужасная бомба сработала!

Интересно, если американцы говорят правду, и упавшую на Хиросиму бомбу действительно создали они сами, с какой стати немцам чувствовать «личную ответственность» за случившееся? Конечно, каждый из них внес свой вклад в ядерные исследования, но на том же основании можно было бы возложить часть вины на тысячи ученых, в том числе Ньютона и Архимеда! Ведь и их открытия в конечном счете привели к созданию ядерного оружия!

Душевные терзания германских ученых приобретают смысл только в одном случае. А именно – если они сами создали ту бомбу, которая уничтожила сотни тысяч японцев. Иначе с какой стати им переживать за содеянное американцами?

Впрочем, пока все мои умозаключения были не более чем гипотезой, подтвержденной лишь косвенными доказательствами. А вдруг я ошибаюсь и американцам действительно удалось невозможное? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно было вплотную изучить германскую атомную программу. А это не так просто, как кажется.

Глава 2. ФИЗИКИ И ЛИРИКИ

Как все начиналось

В первую очередь я решил познакомиться с теми – надо признать, довольно немногочисленными – книгами, которые посвящены германскому «ядерному проекту». Все они сходятся в одном. Процесс создания атомной бомбы в Германии начался в конце 1930-х годов. Над ним параллельно работали несколько научных центров, что вносило определенный хаос и мешало добиться серьезных результатов. Да и руководство Третьего рейха не всегда жаловало атомщиков, считая, что новое оружие не понадобится в молниеносной войне. А самая главная, радикальная ошибка немецких физиков – это то, что в конструкции атомного реактора они решили использовать так называемую тяжелую воду, а не графит. В общем, все это, вместе взятое, привело к крушению германской атомной программы. Так говорят историки.

Чем больше я углублялся в исследование проблемы, тем четче сознавал, что каждое из этих утверждений – ложь. Ложь от начала до конца. Давайте попробуем в ней разобраться.

Первое, что бросается в глаза, – это наличие нескольких соперничающих научных центров. Это в сверхцентрализованном Третьем рейхе, где все находилось под контролем партийного аппарата! Конечно, бывали и склоки, и конфликты интересов, но они редко мешали общему делу. Допустить, чтобы над важнейшим проектом работали сразу несколько групп, изолированных друг от друга – эта мысль не могла прийти в голову даже идиоту. Тем более она была чужда главарям нацистской империи, которые, как известно, идиотами не являлись. Чем же объяснить подобное головотяпство?

Разгадку я нашел в бумагах своего отца. Единый центр, координировавший усилия немецких атомщиков, существовал. Это был, пожалуй, самый известный и в то же время самый засекреченный научный центр Третьего рейха. Речь идет – как вы, наверное, уже догадались – об институте «Аненэрбе».

Об институте «Наследие предков» я написал отдельную книгу, так что повторю здесь только самое основное. «Аненэрбе» был официально создан в 1933 году, хотя группа специалистов, образовавших вскоре его руководящее ядро, сложилась еще в 20-е годы. Институт находился в личном подчинении вождя СС Генриха Гиммлера. Первым делом «Аненэрбе» занялся монополизацией древнегерманских исследований. В течение нескольких месяцев он интегрировал в свой состав все научные группы, занимавшиеся схожей проблематикой. Там же, где это было невозможно (например, на кафедрах крупных университетах), фактически возникали филиалы «Наследия предков». К 1937 году

«Аненэрбе» состоял из почти полусотни институтов. К этому моменту «Аненэрбе» начало все больше уводить в сторону от строго научных изысканий. Уклон в область духа, в сферу мистики и магии все больше увеличивался. Несмотря на то, что в своих программных документах «Наследие предков» заявляло о полной научности всех своих исследований, оккультные практики как новая отрасль знания были достаточно прочно укоренены в его структуре. На работу «Аненэрбе» были израсходованы огромные деньги – больше, чем США затратили на свой «Манхэттенский проект» (который – приоткрою завесу тайны – завершился постыдной неудачей). Исследования велись с колоссальным размахом, миллионы марок тратились, с точки зрения человека рационального, на полную ерунду. Эсэсовские учение занимались многими серьезными историко-культурологическими вопросами. Например, историей Священного Грааля, споры о котором не смолкают по сей день и были еще более подогреты публикацией известной книги Дэна Брауна. Далее они тщательно исследовали все еретические течения и оккультные школы, в том числе общества алхимиков и орден розенкрейцеров. Кроме того, они организовывали тибетские экспедиции и изучали пророчества Нострадамуса.

С началом войны специалисты «Аненэрбе» следовали за победоносным вермахтом, принимая под свою «опеку» сокровища европейских музеев и библиотек. Они тщательно выбирали любые артефакты, связанные с древней германской историей в частности и любопытными страницами германской истории вообще. В 1940 году Сиверс создал специальный Айнзацштаб, отделения которого имелись практически во всех крупных европейских городах – в Берлине, Белграде, Салониках, Будапеште, Париже, Ницце, Брюсселе, Амстердаме, Копенгагене, Осло… Здесь трудились 350 специалистов, экспертов с блестящим образованием, прекрасной научной карьерой и учеными степенями. Они раскапывали курганы на Украине, вели археологические исследования в центре Парижа и Амстердама, искали – и находили! – древние клады и стоянки. Впрочем, и музейные коллекции европейских стран подвергались тщательным «ревизиям», наиболее ценные с их точки зрения экспонаты перевозились в Германию. К слову сказать, большинство из них после войны так и не было найдено. О судьбе пропавших коллекций ходят самые разные слухи.

Специалисты «Аненэрбе» занимались опытами по созданию «сверхчеловека», созданием психофизического оружия, разработкой основ новой религии… В общем, всем таинственным и мистическим, что только можно было найти. Однако в сфере их интересов находились и вполне серьезные вещи. Например, знаменитый ракетный проект, которому я посвятил отдельную книгу, а также атомные исследования.

На возможность создания атомной бомбы руководство рейха обратило свое внимание в 1938 году, после известных открытий Гана и Гейзенберга. Именно тогда группа выдающихся ученых направляет Генриху Гиммлеру письмо, в котором говорится:

Рейхсфюрер! Недавние открытие в области деления уранового ядра позволяют с уверенностью утверждать, что вскоре оно послужит для создания оружия невиданной прежде мощи. Это оружие, если оно окажется в руках Германии, позволит сокрушить всех наших врагов; но если наши противники опередят нас, Третий рейх ждут неисчислимые бедствия. Поэтому мы считаем исключительно важным дать этому оружию высший приоритет и направить все возможные средства на атомные исследования.

Обычно считается, что руководство нацистской Германии проигнорировало обращение физиков, и атомные исследования ученые продолжали на свой страх и риск. Давайте задумаемся: с какой стати Гитлеру отказываться от сверхэффективного средства массового уничтожения. Он рассчитывал на молниеносную войну? Что ж, допустим. Но вспомните, какие цели преследовал нацизм, что он планировал сотворить после своей глобальной победы. Правильно – уничтожить все «неполноценные» народы. А здесь ядерное оружие могло быть очень кстати.

Действительно, против наступающих танковых колонн или долговременных рубежей обороны атомная бомба не слишком эффективна. То есть, конечно, она справится с задачей лучше, чем обычная фугаска, но и стоимость ее несопоставима с ценой банальной тяжелой авиабомбы. По послевоенным расчетам, предел возможностей ядерного заряда образца 1945 года – уничтожение одного окопавшегося пехотного батальона. Намного дешевле и эффективнее сбросить на тот же батальон сотню обычных бомб.

Зато, если речь идет о массовых скоплениях мирного населения – здесь атомное оружие не имеет себе равных. Далеко не случайно американцы в 1945 году разбомбили два мирных города, а не военные объекты. Дело не только в стремлении запугать мирное население, дело в том, что атомные бомбы смогли бы причинить лишь ничтожный ущерб японской армии. Такая игра не стоила свеч.

Возможности атомной бомбы прекрасно понимали немецкие физики, а значит, и руководство Третьего рейха. Ядерный заряд – лучший инструмент послевоенного геноцида – считали и Гитлер, и Гиммлер. Именно поэтому вскоре после получения письма ученых, в ноябре 1938 года, рейхсфюрер СС приказывает организовать в рамках «Аненэрбе» Институт перспективных вооружений, которому и было поручено руководство атомным проектом Третьего рейха. Главой института был назначен оберштурмбаннфюрер Генрих Ойле.

С самого начала нацисты заботились о секретности своего проекта. Они понимали, что моментальное исчезновение лучших ядерщиков наведет противника на верные догадки. И поэтому деятельность нового института была основана на принципе децентрализации. Каждый ученый продолжал работать в своей лаборатории над порученным ему участком работы. Германию словно накрыла невидимая сеть из ядерных лабораторий, все нити которой сбегались в один центр – маленькое и внешне ничем не примечательное здание института, находившееся на окраине Дортмунда. Сюда частенько приезжали и Ган, и Гейзенберг, и Дибнер, и другие участники проекта, чтобы обсудить полученные результаты и определить планы на будущее.

Поэтому никакого фатального соперничества физиков, предопределившего крушение проекта, не было и не могло быть в Третьем рейхе. Конечно, здоровая конкуренция существовала, но она шла только на пользу дела.

Миф о тяжелой водичке

Один из краеугольных камней мифа о провале немецкого атомного проекта – это история с норвежской тяжелой водой. В изложении мифотворцев она выглядит следующим образом.

В конструкции ядерного реактора, необходимого для производства атомной бомбы, нужен был так называемый замедлитель. Немцы использовали в качестве замедлителя тяжелую воду, которая плохо подходила для этих целей, и потому ничего не добились. Американцы использовали графит, который подходит гораздо лучше – и выиграли гонку!

Давайте посмотрим на эту легенду беспристрастно. Строительство первого ядерного реактора в Третьем рейхе началось в 1940 году. Уже в то время немцы начали активно использовать тяжелую воду. Получается, что они бились с этой водичкой пять лет, так и не поняв, что графит подходит куда лучше? Немецкие ученые были поголовно идиотами, однозначно. К тому же добывание тяжелой воды было сопряжено с такими трудностями, что они волей-неволей должны были натолкнуть любого здравомыслящего человека на идею использовать графит.

Кстати, именно эти трудности и натолкнули меня на мысль о том, что все не так просто. Дело в том, что тяжелая вода получается из обычной воды методом химической реакции. Чтобы ее изготавливать, нужно много воды и много электричества. Поэтому единственный в Европе крупный завод по производству тяжелой воды находился в Норвегии и был расположен рядом с гидроэлектростанцией. Принадлежал он компании «Норвегиан гидро».

После того, как в 1940 году немцы оккупировали Норвегию, они стали требовать от компании все больше и больше тяжелой воды. Производство расширялось, но завод все равно не справлялся со своими задачами. Так, хотя в 1941 году выпуск тяжелой воды вырос в 10 раз, это все еще было далеко от намеченных цифр. Такая же картина наблюдалась и в дальнейшем. В связи с этим встает вопрос: а почему нельзя было перенести производство в саму Германию?

Что, в Третьем рейхе не было гидроэлектростанций? Да хоть отбавляй! Например, в западной части страны течет великая река Рейн, которая легко справилась бы с огромными объемами производства «тяжелой воды». В районе Рура – где, кстати, расположен Дортмунд – была целая куча гидроэлектростанций. Построить рядом с любой из них крупный завод – раз плюнуть. Удовольствие, конечно, недешевое, но ради атомной бомбы тратились и не такие деньги.

Почему же немцы ничего не построили? Вывод один – значит, им было это не нужно. Значит, им хватало завода в норвежском Веморке, несмотря на небольшую производительность и постоянную угрозу диверсий. Чем, кстати, не замедлили воспользоваться вездесущие англичане.

О том, что немцы активно эксплуатируют завод «Норвегиан гидро», было известно всему миру. По крайней мере, утаить шило в мешке оказалось совершенно невозможно. Обдумав ситуацию и поняв, что тяжелая вода как-то причастна к немецкому атомному проекту, руководство британских спецслужб решает провести диверсию на заводе. Осенью 1942 года англичане предпринимают первую – неудачную – попытку навредить немцам. Высаженная с планеров диверсионная группа практически сразу берется в плен немецкими солдатами и отправляется на познавательную беседу к шефу гестапо Мюллеру. Однако британцы не сдаются. В феврале 1943 года, в тяжелейших зимних условиях, они отправляют вторую, более многочисленную десантную партию. Преодолевая массу препятствий и ежеминутно рискуя жизнью, группа Хелберга в ночь на 28 февраля смогла-таки выполнить свою задачу и организовать взрыв на предприятии. При отходе большинство диверсантов были убиты или захвачены в плен немцами. Хотя ущерб, причиненный взрывами, был сравнительно невелик, англичане до сих пор кричат о выдающейся победе своих спецслужб – хотя лично я на их месте предпочел бы скромненько помолчать. В дальнейшем они организовывали еще несколько диверсий, парочка из которых даже увенчалась успехом.

В общем-то грех им был не увенчаться успехом в ситуации, когда, казалось, все благоприятствовало англичанам. Завод располагался в пустынной лесистой местности, где можно было спрятать не то что небольшой отряд, а целую дивизию. Немецких войск было немного, противовоздушная оборона отсутствовала почти начисто – десанты можно было высаживать хоть каждый день! Охрана завода тоже не впечатляла. И даже после первых диверсий немцы не сделали ровным счетом ничего для того, чтобы получше защитить предприятие.

Спрошу сразу: вам это ничего не напоминает? Никаких аналогий с историей Нильса Бора? Немцы буквально подставляют завод под удары англичан, чтобы те успокоились и не стали искать других, более важных объектов. Судя по всему, предприятие в Веморке служило своеобразной «подсадной уткой» атомного проекта, призванной привлекать к себе все внимание противника.

А как же графит? Я снова почувствовал, что мне катастрофически не хватает данных. Все мои прежние выводы основывались главным образом на простой логике, а не на документах и материалах. Основание крайне ненадежное, не так ли? Значит, документы и материалы предстояло найти! И я с воодушевлением взялся за эту задачу.

В поисках потомков

Мне с самого начала было ясно, что искать в архивах совершенно бессмысленно. Может быть, за годы работы я и наткнусь на пару косвенных доказательств, но их у меня и так хоть отбавляй. Игра не стоила свеч. А настоящие, секретные архивы мне, увы, недоступны.

Можно было попытаться найти современников тех событий. Но главные действующие лица – такие как Ган, Гейзенберг, Дибнер, Оесау – уже давно сошли со сцены. Возможно, кто-то из «мелкой сошки» – помощников и лаборантов – и остался в живых, но они вряд ли были хорошо проинформированы. Те обрывки знаний, которые имелись у них, не составят цельную и убедительную картину. Значит, нужно было искать детей и внуков ключевых деятелей – германских физиков, которые и создавали атомную бомбу Гитлера.

Задача была не столь простой, как кажется на первый взгляд. Именно поэтому одним прекрасным майским утром я сел на самолет, летевший до Берлина.

В столице ФРГ я последний раз был года три назад, и не могу сказать, что она за это время серьезно поменялась. Все те же монументальные Бранденбургские ворота, зеленеющие липы на Унтер ден Линден, запах свежей выпечки по утром, зонтики уличных кафешек… Первый день я побродил по улицам, сходил в парк Шарлоттенбург – как-никак, историческая родина, здесь родился и вырос мой отец. На следующее утро я приступил к делу.

В первую очередь надо было задействовать фирмы, специализирующиеся на поисках нужных людей. Таких сравнительно немного, действуют они под вывеской «генеалогических бюро», однако работают качественно. Результаты, впрочем, оказались разочаровывающими: большинство великих физиков были бездетны, поскольку посвятили себя науке; свои материалы они завещали государственным институтам, то есть добраться до интересующей меня информации таким путем было решительно невозможно. От нескольких участников проекта остались довольно далекие родственники, которые, естественно, были не в курсе дела. Для очистки совести я позвонил двум-трем из них, назвавшись исследователем, изучающим развитие немецкой физики (если вдуматься, это было чистой правдой). Как правило, у них уже побывали мои предшественники, и не по одному разу – так что ценных материалов там тоже не было. Я оказался перед глухой стеной.

Уже потеряв надежду, я попросил отыскать следы оберштурмбаннфюрера Ойле. Особой надежды у меня не было – скорее всего, он либо был убит в конце войны, либо бежал, либо основательно залег на дно. Целых три дня пришлось мне ждать результатов, но, честно говоря, они того стояли. Когда я открыл дверь конторы утром в пятницу, навстречу мне уже шагал улыбающийся клерк:

– Господин Кранц, мы нашли вашего Ойле.

– Он еще жив?

– Увы, нет. Он умер в 1979 году в Аугсбурге. Но – я думаю, это вас порадует – у него были дети!

– Они живут там же, в Аугсбурге?

– Нет, где-то в Южной Америке. Дело в том, что господин Ойле в 1945 году оказался в Аргентине. Он уехал туда с женой и двумя детьми – сыном и дочерью. В начале семидесятых они вернулись в ФРГ – очевидно, тоска по родине замучила. Как ни странно, жили они под своими именами. А вот дети их до сих пор в Западном полушарии.

– Отлично! Возможно ли отыскать адрес детей?

– Эта задача сложная, но…

Я поблагодарил и расплатился, забрав пакет с материалами. Мне, аргентинцу, было гораздо проще искать человека в собственной стране. Получалось, что я зря летал через океан? Или все-таки нет?

Вернувшись в Аргентину, я стал наводить справки относительно Ойле-младшего. Найти человека в нашей стране – все равно что отыскать иголку в стоге сена, но у меня был важный козырь. Ойле, очевидно, жил в одной из немецких колоний, в которых вырос и я. Жители таких поселений – довольно замкнутый кружок, где все знают друг друга. И у меня в силу моего происхождения был доступ в этот кружок. Навести справки по своим каналам было для меня парой пустяков.

Уже на следующий день я беседовал с довольно полным пожилым человеком, прекрасно помнившим семью Ойле.

– Да-да, были такие. Приехали в сорок шестом, жили довольно уединенно – в смысле, практически ни с кем не общались. Старший Ойле был человеком довольно надменным, угрюмым. Мы – дети – его побаивались. Жена у него какая-то пугливая, забитая, все время оглядывалась, словно боялась чего-то. Сын пошел весь в отца – высокомерный, неразговорчивый. Когда они приехали, ему было лет пятнадцать. А дочке лет пять. Она-то была шустрая, бойкая, все время прибегала к нам играть, хотя подозреваю, что от родителей ей за это попадало. Потом она выскочила замуж при первой возможности и уехала куда-то на север – не то в Перу, не то в Боливию.

– А старший сын?

– А старший сын так и живет тут, насколько я знаю. Ему сейчас около семидесяти. Детей у него не было, так что если б умер, стали бы искать его сестренку, а тут точно мимо меня б не прошли, так что я бы знал.

Найти старшего сына – Адольфа Ойле (в честь кого его так назвали родители, можете догадаться сами) – оказалось делом нескольких дней. Куда сложнее оказалось договориться о встрече. Сперва старик вообще не хотел со мной разговаривать, крича: «Я уже рассказывал все, что знал!» – и бросая трубку. За кого он меня принимал, непонятно. Пришлось пойти кружным путем: отправить по почте пакет с моими книгами, вложив длинное и льстивое письмо. Зато, когда я позвонил Ойле спустя две недели, он был настроен немного иначе:

– Что ж, Кранц, если вы действительно хотите отмыть Германию от всей грязи, которую на нее налепили янки и русские после войны… приезжайте, кое-что знаю. Но на особые сенсации не рассчитывайте!

Впрочем, я как раз рассчитывал на особые сенсации. И, надо сказать, не обманулся в своих ожиданиях.

Атомная Германия

Работы над ядерным оружием, как рассказал Адольф Ойле, начались в 1938 году. Гиммлер действительно приказал сохранять высшую степень секретности, всячески маскируя проект. Именно поэтому ученые трудились в разных лабораториях страны, а не собрались под одной крышей, как в США. Такая организация труда имела свой неоспоримый плюс – немцам не пришлось строить новый огромный институт с дорогостоящим оборудованием, что задержало бы реализацию атомного проекта примерно на полгода.

Тем не менее на Западе почуяли неладное. Неудивительно – в 1939 году публикации немецких ученых по ядерной проблематике внезапно прекратились. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что проект вышел из чисто теоретической стадии и представляет теперь практический интерес. Поэтому британская и американская разведки стали упорно добиваться получения хоть какой-то информации о действиях немцев.

Обеспечивать секретность должна была специальная группа гестаповцев. Возглавлял ее Норберт Альке. Именно Альке пришла в голову мысль организовать «спасение» Нильса Бора и использовать «Норвегиан гидро» в виде отвлекающего объекта. Правда, каждый раз ему приходилось немало потрудиться, чтобы затолкать очередную наживку в пасть пугливым англичанам. Зато после каждой очередной «успешной операции» английские спецслужбы на некоторое время впадали в эйфорию и давали немцам возможность вздохнуть спокойно.

В 1940 году был построен первый атомный реактор. Его успешные испытания прошли в следующем, сорок первом. Тогда же удалось склонить к сотрудничеству Жолио-Кюри: приехавшие к французу немецкие ученые навешали ему лапши на уши о том, что, исходя из военной необходимости, подача электричества во Францию будет резко ограничена и следующей зимой Париж погрузится в холод и мрак. Чтобы избежать этого, нужно как можно скорее построить атомную электростанцию. Кюри оказался первым, кто поверил в сказку про мирный атом; в реальности использовать эту страшную разрушительную силу в мирных целых собирались только русские, которые, в конце концов, и создали первую в мире АЭС. А пока француз с рвением принялся работать над германской атомной бомбой.

К этому моменту немецким физикам уже стало ясно, что тяжелая вода в качестве замедлителя никуда не годится. После долгих экспериментов они остановили свой выбор на куда более дешевом и доступном графите. Но завод в Веморке получал все новые и новые заказы – ведь надо было как-то обманывать англичан!

Исследованиям был присвоен высший приоритет в имперской программе вооружений. Они находились под личным контролем Генриха Гиммлера, который не жалел средств на атомный проект. Проект, который он считал своим. Поскольку в руках главы СС находились неограниченная власть и неограниченные ресурсы, исследования продвигались вперед быстрыми темпами. Конечно, хватало проблем, бывали и ошибочные решения – но где их нет? В итоге в конце 1943 года физики смогли представить Гиммлеру первый образец немецкой атомной бомбы.

Где найти полигон?

Вопрос заключался в том, где испытать эту бомбу? Взрывать ее в Баварии или где-нибудь под Берлином было, понятное дело, не слишком уместно. Идеальным полигоном стали бы, конечно, пустыни Северной Африки, но к тому моменту немцев оттуда уже выбили. 22 ноября Ойле пишет Гиммлеру докладную записку, в которой сообщает следующее:

В настоящий момент объект «Локи» готов к испытаниям. Эти испытания можно провести в следующих районах:

– Норвегия, Северное море. Эти районы достаточно пустынны, однако находятся слишком близко от Британии. Кроме того, на водной поверхности оценить разрушительную силу объекта будет гораздо сложнее, предпочтительнее твердая суша.

– Альпы. В данном районе находится достаточно мало населенных пунктов. Однако испытания в горной местности, сопровождающиеся большим выбросом энергии, могут вызвать серьезные тектонические сдвиги. Это, в свою очередь, может привести к нарушениям сети коммуникаций в Альпах, что также было бы крайне нежелательно.

– Восток. Здесь имеются значительные безлюдные пространства, поросшие лесом, что идеально подходит для испытаний. Однако необходимо учитывать враждебность местного населения и возможность попадания оружия в руки к партизанам. Поэтому для испытаний необходимо выделить усиленную охрану.

В общем, куда ни кинь – всюду клин. Не было, просто не было у нацистов подходящих мест для испытаний. В конечном счете после долгих колебаний Гиммлер в декабре 1943 года решает провести испытания в западной части России, еще оккупированной немцами, в так называемой Белоруссии.

Теперь предстояло обеспечить безопасность испытаний. Во-первых, очистить район от партизан и местных жителей. Для этого в лесные массивы к югу от города Гомель были переброшены три дивизии СС. В течение января-февраля они в основном справились со своими задачами. Местное население было угнано в Германию, партизаны если не уничтожены, то оттеснены в другие районы Белоруссии. В конце концов 3 марта 1944 года атомная бомба (объект «Локи») была доставлена на место испытаний. Взрывное устройство установили в глухой болотистой чаще. Неподалеку разместили несколько автомобилей,

животных, а также барак с политзаключенными. Кроме того, эсэсовские саперы возвели еще несколько железобетонных построек со стенками различной толщины. Вокруг эпицентра будущего взрыва расставили несколько танков, в том числе новейшие «Пантеры» и «Тигры». На место испытаний съехались физики – создатели атомной бомбы, руководство «Аненэрбе» и даже сам рейхсфюрер СС. Все они, естественно, находились в специально построенном бункере в десятках километров от бомбы. Люди в серых костюмах и черных мундирах столпились перед пультом, на который выводилась информация с многочисленных датчиков.

В 11 часов утра по берлинскому времени бомба была взорвана. Картину атомного взрыва мы все многократно видели по телевизору, поэтому описывать атомный гриб, думаю, нет совершенно никакого смысла. Разрушения были ужасны: в радиусе нескольких километров лес был спален начисто и, если бы не глубокий снег, пожар начал бы распространяться и дальше. От людей и животных остались лишь обугленные скелеты; железобетонные сооружения, однако, уцелели, хотя и не в лучшем виде. Танки, несмотря на оплавленные детали, пережили огненное крещение неплохо. Адольф Ойле так описывал эту картину со слов своего отца, побывавшего на следующий день в районе взрыва:

Я не знаю, с чем сравнить этот лес. Здесь словно произошло столкновение двух стихий – льда и огня. Уже за много километров до эпицентра на снегу лежит черная гарь; потом снег исчезает вовсе, и из обугленной земли торчат скелеты деревьев – переломанные, поднявшие ветви к небу, словно в агонии. Здесь есть только два цвета: черная земля и белое небо. Почва все еще теплая, падающий на нее снег мгновенно тает и превращается в черные лужи. Из всех картин ада, которые мне приходилось видеть в своей жизни, эта была самой достоверной.

Все находились под сильнейшим впечатлением от увиденного – даже физики, которые по идее должны были знать об эффективности собственной разработки. Разумеется, ни эсэсовцы, ни ученые не полезли в эпицентр взрыва – туда отправили солдат штрафных частей, которым пообещали свободу. После того как те вернулись с образцами и фотоснимками и подробно описали увиденное, их немедленно расстреляли и захоронили здесь же, в братской могиле.

Смерть в серии

Рассказ Ойле-младшего был настолько ярок, что я по возвращении домой решил его проверить – хотя бы по косвенным данным. Самой главной и очевидной зацепкой были три эсэсовские дивизии. Частей СС на тот момент было еще не так много, и отследить боевой путь каждой из них не составляло особого труда. Так что уже через пару часов я смог уверенно сказать: да, три дивизии – одна полицейская и две панцергренадерские – были зимой 1943–1944 годов переброшены в тыл немецких войск, в район Гомеля. Обычно эту переброску – довольно странную, учитывая, что на фронте катастрофически не хватало сил – объясняют двумя моментами. Во-первых, дивизиям якобы нужно было отдохнуть. Но до этого они находились на довольно спокойных участках фронта, и отдыхать им было вроде не от чего. Во-вторых, они были задействованы в борьбе с русскими партизанами. Вот это ближе к истине. Но если б речь шла об обычных операциях против партизан, такой концентрации войск не требовалось; бросать три дивизии в один небольшой район – сумасшедшая расточительность.

Еще одно доказательство мне удалось обнаружить немного позднее, и в общем-то случайно. Если помните, в 1986 году на Украине произошла авария на Чернобыльской атомной станции. Ветер понес радиоактивную пыль на Белоруссию и Польшу. И ученые, замерявшие радиационный фон в окрестностях Гомеля, обнаружили странную аномалию: наряду со свежим излучением наблюдалось старое, остаточное, как от давнего взрыва. Кто-то попытался поднять тему про более ранние аварии, но исследования моментально дали поразительные результаты: «старый» фон относится к первой половине сороковых годов! Такого быть, по мнению ученых, просто не могло, поэтому про данный феномен предпочли

забыть. По принципу «не могло быть – значит, не было». Очень хорошая логика, прекрасно помогает в жизни. Жаль, что я так не умею.

Но вернемся к рассказу Адольфа Ойле. Успешные испытания вызвали небывалый энтузиазм в руководстве Третьего рейха. Германская пропаганда и раньше упоминала о «чудо-оружии» гигантской разрушительной силы, которое скоро получит вермахт, теперь эти мотивы зазвучали еще громче. Обычно их считают блефом, однако для таких выводов нет оснований. Германская пропаганда не блефовала, она лишь изредка приукрашивала действительность. Уличить ее в крупной лжи по вопросам «чудо-оружия» пока не удавалось. Пропаганда обещала реактивные истребители – самые быстрые в мире. И уже в конце 1944 года сотни «Мессершмитов-262» патрулировали воздушное пространство рейха. Это сулило врагам ракетный дождь. С осени того же года десятки самолетов-снарядов «Фау» ежедневно обрушивались на английские города. Так с какой стати считать блефом обещанную атомную бомбу?

С весны 1944 года начались лихорадочные приготовления к серийному производству ядерных боеприпасов. Для этого был построен специальный подземный завод в самом сердце Рура, неподалеку от центра ядерного проекта. На строительство были брошены огромные силы, не менее ста тысяч узников концлагерей. Все они были потом уничтожены. И уже под новый, 1945 год Гитлер мог похвастаться первой серийной атомной бомбой.

Вот здесь рассказ Ойле начал вызывать у меня сильные сомнения. Если Гитлер мог похвастаться бомбой, то почему же не похвастался, в смысле не пустил ее в ход? Я не думаю, что применение ядерного оружия смогло бы радикально изменить ход военных действий, но уж попытаться-то во всяком случае нацисты могли. Тем более что терять им было, по сути дела, нечего.

Может, Ойле лжет и на самом деле немцы не смогли изготовить атомную бомбу? Вряд ли. Во-первых, зачем ему лгать? Во-вторых, если ядерное оружие так и не было создано подопечными Гиммлера, откуда его могли взять американцы? Нет, совершенно очевидно, что была какая-то причина, помешавшая фюреру осуществить свои планы. И я должен был ее найти.

Адольф Ойле не смог мне помочь с ответом. На все мои вопросы он отвечал односложно: «Не знаю», «Отец мне не говорил», а потом и вовсе предпочел свернуть беседу. У меня создавалось впечатление, что он что-то недоговаривает. Но большего добиться я все равно не мог. Значит, предстояло, как всегда, пробиваться своими силами.

Глава 3. ПОЧЕМУ ЕЕ НЕ ВЗОРВАЛИ?

Версия № 1. Средства доставки

По пути домой я размышлял над мучившей меня загадкой. Почему же немцы не стали применять атомное оружие? В гуманизм Гитлера я не верил. Военная целесообразность… гм, конечно, оставляет желать лучшего, но взрыв ядерного заряда в полосе вражеского наступления заставил бы его (наступление) надолго остановиться. К тому же, потратив столько времени и сил, грех было не использовать дорогую игрушку по назначению. Вопрос в том – как?

А действительно – как? Может, здесь и есть разгадка? Недавно я услышал свежий анекдот. К американскому президенту приходит директор ЦРУ и говорит: «У меня две новости. Одна плохая, другая хорошая». Президент: «Начинай с плохой». Директор ЦРУ: «Ладно. Плохая – у Саддама есть атомная бомба. Хорошая – сбросить ее он сможет разве что с верблюда».

Весной 1945 года Третий рейх вполне мог оказаться в положении Саддама из анекдота. Ядерная бомба есть – а средств доставки, если выражаться по-научному, нету. Действительно ли это так? Давайте проверим.

Первое, что вспоминается, – это ракеты. «Фау-1» и «Фау-2» хорошо известны. Могли ли они быть носителями ядерной боеголовки?

«Фау-1» считался исключительно секретным. Его разработка началась в 1941 году в секретном испытательном центре, расположенном на острове Пенемюнде в Балтийском море. Этот уединенный остров идеально подходил для такого рода проекта. Здесь были собраны инженеры и рабочие, практически отрезанные от внешнего мира, так что о существовании тайного исследовательского центра долгое время абсолютно никто не подозревал. В немецких документах ракета упоминалась как Fi-103. Кроме того, в целях секретности, чтобы запутать вражескую разведку, иногда проект «Фау-1» проходил под названием «прицельное устройство 76 для зенитного орудия».

Задачей ученых, работавших под контролем армейских начальников, было создать простое и дешевое оружие, которое, однако, окажется очень эффективным. Работа двигалась бодро и довольно успешно, испытания прошли в 1943 году. Ракета «Фау-1» представляла собой чрезвычайно простую и дешевую конструкцию. Она напоминала небольшой беспилотный самолет, на котором стоял пульсирующий воздушно-реактивный двигатель «Аргус». Размах крыльев составлял около 5 метров в зависимости от модели.

Запуск «Фау-1» происходил со специальной рампы, на которой включался маршевый пульсирующий двигатель и ракета стартовыми ускорителями разгонялась до нужной скорости, Сразу после схода с рампы, стартовые ускорители сбрасывались. «Фау-1» могла стартовать также с самолета-носителя или с подводной лодки. Обычно полет ракеты проходил на высоте 600–900 м, скорость составляла порядка 600 километров в час.

Серьезную проблему представляло наведение ракеты на цель. В принципе, можно было создать сложную и дорогую систему, но во главу угла была поставлена именно дешевизна проекта. В итоге курс «Фау-1» регулировали три простых гироскопа и компас. Дальность контролировалась небольшим пропеллером, который в полете вращался и тем самым закручивал присоединенный к пропеллеру болт. Когда резьба болта доходила до определенной точки, пульсирующий двигатель выключался и «Фау-1» переводилась рулями в крутое пикирование. Взрыватель срабатывал непосредственно при ударе о землю.

Откровенная дешевизна «Фау-1» позволяла производить его в огромных количествах. Забегая вперед, скажу, что всего изготовили более 32 тысяч ракет. Уже зимой 1943–1944 годов началась подготовка стартовых площадок во Франции для обстрела британской территории. Причем работы велись с весьма большим размахом – казалось, немцы специально хотят привлечь внимание своих противников. В английских и американских штабах началась паника. Еще бы, ведь на южном побережье Англии были сконцентрированы огромные силы для вторжения во Францию! Если эти войска попадут под ракетный обстрел… Дальше офицеры союзников боялись даже фантазировать. В их воспаленном воображении немедленно возникал рой из десятков тысяч ракет (на самом деле у немцев в то время имелась в наличии лишь пара сотен), которые превращают район концентрации войск в безжизненную пустыню.

В одной книжке, посвященной ракетам «Фау-1», я прочитал следующую информацию об их боевом применении. Разумеется, все это нельзя принимать всерьез и можно читать только как иллюстрацию к популярным заблуждениям. Итак…

Все достоинства «Фау-1» сильно портило примитивное устройство наведения. Стрелять «Фау-1» можно было только по большим площадям, таким как город или огромный порт в Антверпене.

На «Фау-1» Германия возлагала огромные надежды. Проиграв битву за Британию в воздухе, Гитлер мечтал поставить Англию на колени бомбардировками «Фау-1». Не случайно литера V является аббревиатурой слова – Vergeltungswaffe, то есть чудо-оружие. Ракетами «Фау-1» обстреливали Англию и порт в Антверпене, который имел стратегическое жизненно

важное значение в снабжении войск союзников. Бомбардировками «Фау-1» Германия надеялась убедить англичан, что они воюют с братским народом и должны если не перейти на сторону Германии, то хотя бы выйти из войны. От чудо-оружия немцы ждали буквально чуда, но чуда не произошло – разрывы этих ракет лишь сильней сплотили англичан и еще больше укрепили их стремление покончить с «навязчивым братом» – нацистской Германией.

Британская артиллерия ПВО и ВВС эффективно противостояли атакам «Фау-1». Для новых английских истребителей, особенно с реактивными двигателями, таких как как Gloster Meteor, ракеты «Фау-1» являлись легкой мишенью. На конечном участке траектории перед переходом в пикирование у «Фау-1» отключался маршевый двигатель, что позволяло противнику заранее подготовиться. Англичане знали, что пока они видят в небе «Фау-1» с работающим двигателем, им ничего не грозит. Позднее эту особенность «Фау-1» немецкие конструкторы устранили. Перехвату и уничтожению «Фау-1» способствовал длинный, хорошо заметный след в небе, который оставлял за собой пульсирующий двигатель.

Бомбардировки ракетами «Фау-1» длились с 13 июня 1944 по 29 марта 1945 года. Всего на Англию было выпущено 10 тысяч «Фау-1». На сам Лондон и его пригороды упало 2419 «Фау-1». Часть ракет отправили на города севернее британской столицы.

Как стало известно после войны, корректировка наведения осуществлялась на основе донесений от агента, который, находясь в Лондоне, работал под контролем английской разведки и давал ложные данные, из-за чего большая часть прорвавшихся через ПВО ракет ложилась с недолетом и падала в пригороде. Из выпущенных по Лондону 8070 штук 7488 были обнаружены службой наблюдения, а 2420 достигли цели. Истребителями английской ПВО были сбиты 1847 штук, зенитной артиллерией 1878 и разбились об аэростаты заграждения 232 самолета-снаряда «Фау-1». Достигшие цели «Фау-1» уничтожили 24 791 жилое здание, 52 293 постройки стали непригодными для жилья. При этом погибли 5864 человека, тяжело ранены 17 197 и легко ранены 23 174 человека.

Очень типичный взгляд на «Фау-1». Типа, немцы создали примитивное оружие, которое британцы перехватывали играючи, и только по недосмотру некоторых зенитчиков и летчиков несколько штук все-таки упали на Лондон и другие города.

Как же все обстояло на самом деле? На самом деле примитивность «Фау-1» объясняется ее чисто утилитарным предназначением. Ну не планировал никто с помощью этих ракет ставить на колени Британию, это было всего лишь огородное пугало для противников. А зачем огородному пугалу бархатный камзол и точное портретное сходство с хозяином огорода? Вот и «Фау-1» совершенно не нужна была точнейшая система наведения и мощный двигатель. Ее делали максимально дешевой, без каких-либо претензий на выдающиеся летные данные или чудовищную разрушительную силу.

Но с какой целью, спросите вы. Все очень просто. Когда крылатые ракеты все-таки стали падать на Британию, англичане начали спешно создавать систему обороны. Лондон окружала ПВО из нескольких поясов, в которых истребительные патрули чередовались с позициями зенитных орудий. Всего, по некоторым данным (которых сами англичане сегодня стесняются) в мероприятиях по отражению ракетной угрозы были задействованы около 2 тысяч истребителей и до 5 тысяч стволов зенитной артиллерии. Это больше зениток, чем находилось в то время на фронте! Кроме того, несколько сот истребителей, в том числе новейших и наиболее скоростных, обеспечивали «дальние подступы» к Лондону, а еще сотни штурмовиков и тяжелых бомбардировщиков были заняты исключительно уничтожением стартовых позиций ракет, которое, впрочем, более всего напоминало ловлю блох в темной комнате.

В итоге немцам удавалось при помощи своей дутой ракетной угрозы держать вдали от поля боя приблизительно треть так досаждавшей им вражеской авиации, в том числе все новейшие образцы истребителей. Неплохо придумано, правда? Гениальная мистификация удалась. Англичане и американцы до сих пор верят, что им удалось справиться со «страшной

угрозой». Или, по крайней мере, делают вид, что не понимают, как их обвели вокруг пальца. Ракетная программа Гитлера не имела никакого отношения к «Фау-1» и была подчинена не армии, а СС. Главой этой программы был блестящий молодой ученый Вернер фон Браун. Именно ему удалось создать образцы непобедимого оружия, которые могли бы принести нацистам успех, будь они созданы чуть раньше. Речь идет о ракете «Фау-2», известной также как А4.

В справочниках А4 описывают так.

По форме она напоминала огромный артиллерийский снаряд, снабженный четырьмя взаимно перпендикулярными стабилизаторами. Ее общая длина составляла 14 300 мм, максимальный диаметр корпуса равнялся 1650 мм, а стартовый вес достигал 12,7 т и складывался из веса боевого заряда (980 килограммов), топлива (8760 килограммов) и конструкции вместе с силовыми установками (3060 килограммов). Ракета состояла более чем из 30 тысяч деталей, а длина проводов электрического оборудования превышала 35 километров. Дальность действия ракеты составляла от 290 до 305 километров, хотя некоторые опытные образцы были способны преодолеть расстояние в 355 километров. Траектория полета представляла собой параболу с высотой подъема, составлявшей примерно четверть дальности действия. Общее время полета равнялось примерно 5 минутам, при этом скорость полета на отдельных участках траектории превышала 1500 метров в секунду. Для запуска ракеты предусматривалось использовать так называемые защищенные стартовые позиции и стартовые позиции полевого типа.

Остановимся на секунду. Характеристики, указанные для А4, весьма хороши и для наших дней, эту баллистическую ракету было бы не так-то просто перехватить даже современным оружием. В конце 30-х годов ни в одной другой стране мира не существовало ничего подобного, даже отдаленно приближающегося к А4 по своим характеристикам. Нечто подобное появилось лишь во второй половине 40-х, и то только потому, что образцы А4 попали в руки противников Германии. В первые послевоенные годы копии «немецкого чуда» были изготовлены и поставлены на вооружение во многих странах мира, а также послужили образцом для дальнейшего развития ракетной техники. Сложно сказать, на каком этапе находилось бы создание современных ракет, если бы не фон Браун и его А4. Эта ракета опередила свое время как минимум на 15–20 лет.

Итак, к 1944 году ракета А4, получившая название «Фау-2» («Оружие возмездия – 2»), была вполне готова к боевому применению. В Германии на подземных заводах, принадлежавших СС, было развернуто массовое производство этих ракет. Защищенные стартовые позиции сооружались в предместьях французских городов Ваттон, Визерне и Соттеваст. Они были выполнены по всем правилам фортификационной науки и представляли собой бункер, покрытый бетонированным куполом. Ракета на железнодорожной платформе поступала в бункер с одного выхода, заправлялась и обслуживалась, устанавливалась на пусковую тележку и через другой выход подавалась на стартовый стол, представлявший собой четырехугольную бетонированную площадку с конусом посередине (диаметр конуса около 5 метров). Внутри бункера находились казармы для личного состава, а также кухня и медпункт. Оборудование этой позиции позволяло производить до 54 запусков «Фау-2» в сутки. В качестве позиции полевого типа в принципе мог использоваться любой ровный участок местности, на котором устанавливался пусковой стол. Все оборудование пускового комплекса размещалось на автомобилях и тягачах. В качестве машин управления запусками использовались модифицированные бронетранспортеры. Подвижный пусковой комплекс отличался высокой тактической мобильностью. Благодаря тому, что стартовые позиции постоянно менялись, они были практически неуязвимы для налетов авиации. За полгода боевых действий, несмотря на 30-кратное превосходство союзников в воздухе и интенсивные бомбардировки, ни одна «Фау-2» не была уничтожена на старте.

В справочнике о боевом применении «Фау-2» говорится следующее.

В конце августа 1944 года началась операция «Пингвин». Ракетные подразделения «Фау-2», насчитывавшие до 6 тысяч солдат и офицеров и до 1,6 тысячи различных машин, выдвинулись из мест постоянного базирования в районы проведения боевых пусков. Уже вечером 8 сентября лондонский район Чизвик содрогнулся от удара первой «Фау-2», достигшей Британских островов. Ракетное наступление продолжалось с 8 сентября 1944 года по 23 марта 1945 года, когда 902-й ракетно-артиллерийский полк нанес последний ракетный удар по Антверпену. За этот период было запущено 1269 «Фау-2» по Англии (1225 – по Лондону, 43 – по Норвигу и 1 – по Ипсвичу) и 1739 – по целям на континенте (из них 1593 – по Антверпену и 27 – по Люттиху). По официальным английским данным, на территории Англии целей достигли 1054 «Фау-2», жертвами которых стали 9277 человек (2754 убитых и 6523 тяжелораненых). В районе Антверпена разорвалось 1265 ракет, которые наряду с «Фау-1» стали причиной гибели 6448 человек. Число раненых и пропавших без вести составило 23 368.

Таким образом, эффективность «Фау-2» была весьма высокой. Не случайно в конце 1944 года Гитлер заявил Гиммлеру, который взял проект А4 под свой личный контроль:

Все, что нам нужно сегодня – это как можно больше А4. Это оружие, против которого у врага нет противоядия, оно одно способно поставить его на колени. Все, что требуется от наших доблестных солдат, – это сдерживать врагов до тех пор, пока А4 не превратит тыл противника в дымящиеся руины. По последним данным, население спешно эвакуируется из Лондона и других германских городов. Стоит нам чуть-чуть поднажать – и в Британии воцарится хаос. Никто не захочет рисковать жизнью, живя в крупных городах, работая на заводах, разгружая суды в портах. Экономическая машина замрет, а следом за ней развалятся и англо-американские армии. Мы вышвырнем их из Франции, как в 1940 году, а потом повернемся спиной на восток и разберемся с русскими. А4 – это то оружие, которое способно принести нам победу.

И действительно, мечты Гитлера могли бы осуществиться. Отток населения из крупных английских городов в конце 1944 – начале 1945 года – это не бред полоумного диктатора, а суровая реальность. Лондон ежедневно покидало несколько тысяч человек, направлявшихся в сельские районы или на север страны. В связи с этим начался довольно ощутимый экономический спад.

Вот если бы на эту ракету поставить ядерную боеголовку… К сожалению для нацистов и к счастью для всего остального мира, это было невозможно технически. «Фау-2» несла на себе боеголовку весом не больше тонны. Атомная бомба тяжелее в несколько раз. Я уж не говорю о самолете-снаряде «Фау-1», возможности которого были еще меньше.

Значит, я прав, и у Гитлера просто не было подходящего носителя? Не будем спешить с выводами…

Межконтинентальные ракеты

Да-да, именно так, дорогой читатель. Я вовсе не ошибся, и пишу не о второй половине XX века, а о времени Третьего рейха. Ведь именно в нацистской Германии была создана первая межконтинентальная баллистическая ракета.

О ракетном проекте А9/10 обычно пишут немного. В одном из справочников мне удалось обнаружить следующее описание этой разработки.

Гитлеровское руководство сочло, что неплохо было бы нанести аналогичный удар по США, но для этого возможностей «Фау-2» (дальность полета порядка 350 километров) было явно недостаточно. Однако еще с 1941 года (то есть до официального объявления войны с США) германские инженеры вели разработку двухступенчатой межконтинентальной баллистической ракеты А9/10. В качестве второй ступени предполагалось использовать все ту же удачную ракету «Фау-2» (вес – порядка 13 тонн, диаметр – 1651 миллиметр, масса боевой части – 1000 килограммов), а разогнать ее до необходимой для межконтинентального полета

скорости должна была отделяемая первая ступень массой 87 тонн, из которых 62 тонны приходились на топливо. Двигатель этой ступени был рассчитан на тягу в 1962 килоньютона, которую он мог развивать в течение 50 секунд. После вывода второй ступени на орбиту, массивная первая ступень должна была отделиться и спускаться на землю на парашютах, что позволило бы осуществлять ее повторное использование. Дальность полета всего комплекса должна была составить порядка 4500 километров – вполне достаточно для обстрела США.

На самом деле, научная проработка проекта межконтинентальной баллистической ракеты началась еще в 1939 году. Сперва ракету собирались делать одноступенчатой и долго мучились, проектируя неповоротливого гиганта. Потом появилась идея о том, что смертельное оружие вполне можно сделать составным. Концепция многоступенчатой ракеты имела массу преимуществ; теперь гигантские топливные баки, необходимые для разгона ракеты на самом сложном стартовом участке, можно было не тащить с собой всю дорогу, а избавиться от них сразу же после их опустошения. Впоследствии по такой схеме будут строиться все тяжелые баллистические ракеты мира. А пока немецкие инженеры двигались вперед методом проб и ошибок.

В 1941 году был завершен первый этап сложнейшей разработки. Известно, что одной из главных проблем, с которой пришлось столкнуться команде разработчиков, была проблема точного наведения. Работы над А4, которой предстояло стать по совместительству второй ступенью нового межконтинентального монстра, продвигались вперед сложно. Как потом показал боевой опыт, даже при стрельбе по относительно близкому Лондону с дистанции 70-100 километров цель поражало менее половины выпущенных ракет. Если так, то что будет при стрельбе через океан? Такой вопрос задавали себе инженеры. При этом было очевидно, что А9/10 будет стоить гораздо дороже, чем А4, и терять массу ракет на элементарных промахах никто не хотел. В отсутствие достойной электронной системы наведения у немев было два выхода: либо наводить ракету на цель по радио, либо сделать ее пилотируемой. Поэтому вторая (боевая) часть ракеты и разрабатывалась в двух вариантах: с радионаведением и с кабиной для пилота-смертника.

Сначала конструкторы избрали первый путь. Поскольку боевая ракета могла быть готова не раньше конца 1944 года, было очевидно, что осуществить много пусков не удастся. Поэтому приходилось рассчитывать не столько на непосредственно военный, сколько на пропагандистский эффект. Ввиду вышеизложенного межконтинентальная ракета должна была упасть не абы где в пределах Нью-Йорка, а поразить какую-нибудь примечательную цель, уничтожение которой могло бы произвести шоковое впечатление. Известно, что в качестве такого объекта рассматривался Эмпайр-стейт-билдинг – самый крупный небоскреб того времени; весь вопрос состоял в том, как в него попасть. В сентябре 1944 года немецкой военной разведкой – абвером в США был заслан специальный агент, в задачу которого входило изучение возможностей установки на Эмпайр-стейт-билдинг передатчика-радиомаяка, на сигнал которого и должна была бы прилететь А9/10. Это был очень опытный агент, и его засылка очень тщательно готовилась. Новейшая подводная лодка доставила его к побережью США, прикрытие было организовано по высшему разряду. Но тем не менее американской разведке стало каким-то образом известно о готовящейся немцами операции и ее задачах и ФБР оповестило свою агентуру и вообще самые широкие слои граждан об основных приметах и повадках шпиона. Эта работа и принесла свои плоды. У немецкого суперагента была привычка складывать мелкие деньги в нагрудный карман пиджака; эта примета была указана в фэбээровской ориентировке, и один из мелких нью-йоркских лавочников – что-то типа продавца мороженного – заметив, что его клиент ссыпал сдачу в нагрудный карман пиджака, немедленно «стукнул» куда надо. Подозрительного мужчину задержали, и он действительно оказался искомым диверсантом. В итоге конструкторам пришлось скрепя сердце обратиться ко второму варианту.

К началу нового года, которому суждено было стать последним для Третьего рейха, пилотируемый образец ракеты А9/10 был готов. В носовой части грозного оружия была сделана небольшая тесная кабина с прекрасным обзором во все стороны и простейшими органами управления. Пилот-смертник, занимавший эту кабину, мог с ювелирной точностью навести свое оружие, которое становилось одновременно и его могилой, на цель. Спастись у него не было ни малейшего шанса, такую возможность никто попросту не предусматривал. Надо сказать, что А9/10 была единственным по-настоящему самоубийственным оружием в Третьем рейхе.

Запуск был осуществлен 14 февраля. В качестве цели был намечен небоскреб Эмпайр-стейт-билдинг – да в общем-то любое здание. Главное, чтобы попадание ракеты выглядело вполне осмысленным, а пропаганда могла потом объявить целью все, что угодно. Психологический эффект обещал быть огромным: точные удары японских камикадзе приводили в ужас крепких мужчин – американских моряков. Что же в таком случае должно было испытывать гражданское население? Долго гадать не приходилось. Поэтому нацистское руководство цеплялось за пуск А9/10 как за последнюю надежду. Впрочем, за что оно в тот период не цеплялось?

Прозвучал сигнал, и пилот занял свое место в кабине. А потом взревели мощные двигатели, и ракета сначала медленно приподнялась над поверхностью стартовой площадки, а потом, стремительно набирая скорость, рванулась в небеса.

Что случилось дальше, точно неизвестно. Согласно одной из версий, у пилота не выдержали нервы. Дело в том, что ракета была снабжена механизмом самоуничтожения на тот случай, если бы существовала угроза ее попадания в руки противника. Например, если бы при пролете над Англией отказали двигатели, и А9/10 упала бы на британскую землю. Дернув за специальный рычаг, сидевший в кабине эсэсовец мог подорвать и боевой заряд, и топливный бак, разнеся ракету на мелкие обломки. Именно это якобы и сыграло роковую роль.

Дело в том, что на момент запуска А9/10 не была надежной и всесторонне испытанной конструкцией. Значительная часть пробных запусков, проведенных во второй половине 1944 года, закончилась неудачно, и устранены были далеко не все дефекты. Поэтому уверенности в успехе не было и на этот раз. Так вот, по некоторым данным, пилот после старта запаниковал и взорвал ракету. На пусковой площадке было якобы принято его последнее сообщение: «Она взорвется! Она обязательно взорвется! Мой фюрер, я погибаю!»

На самом деле я очень сомневаюсь в том, что фанатичный нацист, с радостью согласившийся выполнить самоубийственную миссию, в последний момент струсил. Скорее всего, ракета просто не долетела до цели из-за технических неисправностей. Наиболее вероятным мне представляется отказ механизма сброса второй ступени – весьма распространенное явление. В этом случае супероружие нацистов нашло свою гибель на дне Атлантического океана. Конечно, нельзя исключать, что перегрузки помутили разум пилота-смертника, и он взорвал ракету, но такой вариант представляется мне менее вероятным.

Могла ли такая ракета нести ядерную боеголовку? Каким бы парадоксальным это ни казалось – нет. Как я уже сказал, головной частью нацистского супероружия была все та же А4 со своей убогой нагрузкой в одну тонну. А этого было мало, слишком мало. Иначе бы в полет 14 февраля отправилась первая в мире ядерная ракета, предшественница русской «Сатаны».

Это было бы интересной версии, если б у меня на руках не имелось фотографий – фотографий немецкой межконтинентальной ракеты на стартовой площадке. Ничего, кроме банальной А4 в качестве головной части, я на этом снимке разглядеть не смог.

Но, может быть, ситуацию исправляли стратегические бомбардировщики?

Крылатые гиганты фюрера

Первые попытки создать тяжелые бомбардировщики в Третьем рейхе приходятся на середину 1930-х годов. Они связаны с именем генерала Вефера. Вальтер Вефер был первым начальника главного штаба ВВС Германии. Наряду со множеством несомненных плюсов у Вефера была одна маниакальная страсть: он очень любил тяжелые бомбардировщики. Этакие огромные четырехмоторные махины. Что сказал бы по этому поводу дедушка Фрейд и какие комплексы мучили бедного Вальтера, я даже боюсь предположить. Но доподлинно известно, что под его руководством в начале 30-х были созданы опытные образцы четырехмоторных бомбардировщиков «дорнье» – «До-19» и «юнкерс» – «Ю-89». Эти машины, согласно техническому заданию, должны были обладать дальностью полета не менее 6000 километров, бомбовой нагрузкой от 2 тонн и скоростью 500 километров в час. Проект был назван «Уральским бомбардировщиком» – в представлении авторов, эти машины должны были обладать способностью бомбить промышленные объекты на Урале. Про Америку ничего не говорилось, но она, так сказать, негласно подразумевалась.

«Выхлоп» проекта оказался крайне незначительным. Оба представленных образца, как и следовало ожидать, не соответствовали заданию практически по всем показателям: так, «Юнкерс-89», имея 4 мотора по 960 лошадиных сил, обладал максимальной скоростью 386 километров в час, бомбовой нагрузкой 1600 килограммов и дальностью полета 2980 километров. Для тех, кто не в теме: это очень и очень посредственно. Обычный средний бомбардировщик, куда более дешевый и всего с двумя моторами, мог без проблем достичь и даже перекрыть эти параметры. Даже если принять во внимание, что в дальнейшем на самолет устанавливались бы наверняка более мощные моторы, мы видим перед собой весьма посредственную машину. Поэтому неудивительно, что после гибели Вефера в авиакатастрофе все работы по дальним бомбардировщикам были свернуты, и командование Люфтваффе сделало ставку на средние и пикирующие бомбардировщики.

Но в 1939 году фюрер ставит задачу: хочешь не хочешь, а армаду бомбардировщиков построить надо! Что оставалось? Только щелкнуть каблуками, взять под козырек и сказать: «Яволь, майн фюрер!» Конструкторы взялись за дело очень не спеша. Только после повторного окрика фюрера им удалось создать несколько довольно перспективных машин. Четырехмоторные бомбардировщики Хейнкеля «Хе-274» и «Хе-277» имели максимальную скорость в 570–585 километров в час, дальность 4–6 тысяч километров, бомбовую нагрузку 4–4,5 тонны. Это существенно превосходит показатели американских машин «Б-17» и «Б-24», не говоря уже о британских, которые совершали свои налеты на Германию только ночью, потому что днем годились разве что на роль посмешища для немецкой истребительной авиации.

Не ударили лицом в грязь конструкторы фирмы «Мессершмит». Четырехмоторный «мессершмит» «Ме-264» обладал феноменальной дальностью полета, позволявшей наносить удары по Восточному побережью США. Но эта машина оказалась довольно тихоходной и слабо защищенной – все было принесено в жертву дальности полета. Лучше всего отработала фирма «Фокке-Вульф». Ей удалось создать настоящее чудо тогдашней техники – шестимоторный бомбардировщик «Фокке-Вульф» «Та-400». Американцы нечто подобное смогли создать только через несколько лет после окончания войны, другие государства ничего подобного даже не проектировали. Стремительные, обтекаемые линии гиганта напоминали современные реактивные машины. Огромная высота полета, большая скорость (около 550 километров час) делали его перехват истребителями весьма проблематичной задачей, а мощное оборонительное вооружение в 9 пушек и 4 пулемета позволяло успешно бороться с теми нахалами, которые осмелились бы приблизиться к этой летающей крепости. Бомбовая нагрузка тоже впечатляла – 10 тонн. Американцы и англичане могли только бледнеть от зависти.

Фирма «Юнкерс» тоже повела себя достойно. Речь идет о транспортном самолете «Юнкерс-390», который можно было использовать и в качестве бомбардировщика. Эта

шестимоторная машина обладала чудовищной дальностью: с территории Германии «Юнкерс» с бомбами на борту достигал берегов США, а другой экземпляр смог, пролетев над территорией всего СССР и Китая, доставить немецкую делегацию в Японию. Все историки наперебой твердят, что «Юнкерс-390» был построен в двух опытных образцах. На самом деле этих машин, использовавшихся в первую очередь для полетов в Антарктиду, было не менее тридцати.

Подведем итог. Да, у Германии не было большого флота стратегических бомбардировщиков. Но для сброса атомных бомб, число которых исчислялось единицами, он был и не нужен. Гораздо важнее было качество самолета-носителя, а оно у немецких проектов было на высшем уровне. Для того чтобы организовать несколько эффектных взрывов, достаточно было опытных образцов тяжелых машин. Тем не менее ни одна из них так и не поднялась в воздух с атомной бомбой на борту. Почему?

Версия № 2. Предательство

Весной сорок пятого года власть фюрера была уже не столь безграничной, как ранее. Многие чиновники на местах и даже министры рейха считали военный крах нацистов неизбежным. Соответственно, они начали задумываться о жизни в послевоенной Германии. Не о жизни немецкого народа, разумеется, нет. Немецкий народ мог погибнуть, но собственную шкуру нужно было спасти.

Спасали разными путями. Некоторые – как, например, Гиммлер и Геринг – попытались установить контакты с западными союзниками и договориться о сепаратном мире. Не вышло – англичане и американцы боялись, что в таком случае их народы просто сметут свои правительства, а разъяренная Россия поможет им в этом. Кто-то втихомолку торговал евреями, спасая их от смерти в обмен на гарантии безопасности. Кто-то, как Шпеер, попросту саботировал приказы фюрера, например, о разрушении стратегически важных предприятий. Шпеер, кстати, не проиграл – благодаря заступничеству промышленников его после Нюрнбергского процесса посадили совсем ненадолго и сравнительно быстро выпустили.

В общем, в последние месяцы существования рейха вся верхушка страны была пропитана запашком предательства – мелкого и крупного. Почему не предположить, что в закулисный торг с англичанами и американцами не был втянут атомный проект?

Действительно, здравомыслящие люди в нацистском руководстве понимали, что одна и даже десять атомных бомб ход войны уже не изменят. Разве что отсрочат неизбежный финал, да к тому же сделают расплату еще более страшной. Поэтому пускать их в ход не имеет смысла. С другой стороны, атомные бомбы представляют собой прекрасный объект для торга – обязавшись саботировать их применение, можно выторговать жизнь и свободу не только себе, но и всей своей семье до десятого колена. Может быть, кто-то из эсэсовцев так и поступил?

Мне сразу вспомнились некоторые детали в рассказе Адольфа Ойке, которые первоначально ускользнули от моего внимания. Дело в том, что и после выпуска первых серийных атомных бомб они остались в ведении института «Аненэрбе». Для боевого использования нового оружия был сформирован специальный батальон 244, во главе которого встал отец моего собеседника. Подчинялся батальон лично Гиммлеру.

Совершенно очевидно, что без ведома Ойле-старшего саботировать проект было невозможно. Значит, если предательство действительно имело место, то он был в курсе и, конечно же, в доле. И тут я вспомнил, что мне сказали в Берлине, – в 1970-е годы старый эсэсовец вместе с женой вернулся в Баварию и спокойно доживал свой век, причем под собственным, а не вымышленным именем. Да его просто обязаны были схватить еще в аэропорту! Но не схватили. Почему? Откуда такая слепота немецкого правосудия?

Похоже, у старика Ойле были весьма серьезные и могущественные покровители, под крылом которых он мог не бояться ничего и никого. То есть, видимо, американцы. За что

такая милость? Какую крупную услугу оказал солдат фюрера своим звездно-полосатым противникам? Ответ напрашивается сам собой.

Вопрос лишь в том, действовал ли Ойле на свой страх и риск или с ведома и одобрения Гиммлера. Точных сведений на этот счет у меня нет, но мне кажется сомнительным, чтобы оберштурмбаннфюрер пошел против своего шефа. В конечном счете, он был всего лишь винтиком, мелкой сошкой, которую всемогущий рейхсфюрер мог в любую секунду стереть в порошок. Да и выхода на иностранные спецслужбы у него не было. Значит, атомный шантаж был составной частью переговоров Гиммлера с западными лидерами? Возможно. А может быть, и нет. Может быть, рейхсфюрер СС предпочитал оставаться в тени, из-за кулис направляя действия своего подчиненного, чтобы не скомпрометировать себя перед фюрером.

Итак, как могла выглядеть история немецкого атомного оружия весной 1945 года?

Великий Исход

В начале 1945 года первые атомные бомбы начали поступать в распоряжение специального 244-го батальона. Динамика их производства известна мне достаточно подробно – благодаря рассказам Ойле и кое-каким косвенным свидетельствам. В декабре 1944 года была изготовлена первая бомба; в январе – еще две, две в феврале, уже четыре в марте и всего одна в апреле, когда рейх агонизировал. Итого – 10 ядерных зарядов.

Какими аргументами оперировали Гиммлер и Ойле в беседах с фюрером, отказываясь применять эти боеприпасы, мне неизвестно. Возможно, они говорили о том, что в серийных образцах обнаружены некие недостатки, возможно, намеренно задерживали их в пути, а может, просто подделывали документы о сроках готовности той или иной бомбы – в последние месяцы своей жизни Гитлер уже не мог проверять всю исходившую от СС информацию.

Бомбы находились в Руре, где дислоцировался специальный батальон 244. Именно поэтому американцы так стремились его захватить в начале 1945 года, впали в такую панику во время Арденнского наступления немцев и так облегченно вздохнули в марте-апреле, окружив и взяв в плен немецкие войска в этом районе. После этого к ним в руки попали немецкие атомные бомбы…

Стоп-стоп, неувязочка получается. Немцы изготовили десять зарядов, янки получили три, куда же подевались остальные семь? Какая-то странная математика.

Лишь немного времени понадобилось мне, чтобы построить правдоподобную гипотезу о пути исчезновения семи атомных бомб. Скорее всего, они были эвакуированы на нацистскую базу в Антарктиду. Об этом сверхсекретном проекте я уже писал в отдельной книге. Здесь расскажу о нем очень кратко.

Причиной особого внимания нацистов к Антарктиде стали книги Готта и Вебера, которые предполагали, что на ледовом континенте находится прародина человечества, а может быть, до сих пор существует в подземных городах высокоразвитая цивилизация антарктов. Эти идеи очень понравились фюреру, а особенно – его заместителю Рудольфу Гессу. И в 1938 году к берегам Антарктиды была организована крупная полярная экспедиция под руководством капитана Ритшера.

Подготовка экспедиции к ледовому континенту началась в 1934 году. Именно тогда была создана специальная межведомственная группа А, в которую вошли представители «Аненэрбе», германского ВМФ и несколько известных ученых-полярников. Руководил группой А сам Рудольф Гесс, его заместителями были Готт и Ритшер от ВМФ. Флот, которым в ту пору командовал адмирал Редер, специально назначил в группу не самого титулованного своего представителя, чтобы не ставить под угрозу тайну, в которой шла подготовка экспедиции.

Шестнадцатого июня 1938 года четыре корабля образовали специальную эскадру А. Она не входила в состав военно-морского флота, а подчинялась непосредственно Гессу. Руководителем экспедиции был назначен капитан Ритшер, при нем был наблюдатель от

НСДАП. Имя этого наблюдателя, пожалуй, известно всем. Его звали Мартин Борман. На борту кораблей находились, кроме моряков, полярники, а также добровольцы из состава СС, люфтваффе и штурмовых отрядов. Все они дали подписку о неразглашении тайны.

29 июня четыре корабля, снявшись с якоря, в обстановке строжайшей секретности вышли в Атлантический океан. В конце июля эскадра А достигла берегов Антарктики. Первая остановка была сделана у побережья Антарктического полуострова. Здесь была основана база «Хорст Вессель», которую немецкие полярники называли между собой станцией Мартина Бормана. Дело в том, что в течение всей экспедиции Борман, вместо того чтобы наслаждаться покоем в комфортабельных каютах, находился на ледяном побережье Антарктиды, чем заслужил уважение остальных участников экспедиции.

Немцы обнаружили и исследовали покинутый древний город в горной долине. Говорят, несколькими десятилетиями позже этот город видели русские. Кроме того, нацисты нашли целую систему теплых карстовых пещер, вполне пригодных для обитания. Попасть в них можно было только под водой – или используя сложную систему тоннелей. В апреле 1939 года Ритшер с тремя из четырех своих кораблей вернулся на родину. В Новой Швабии он оставил авианосец, который исследовал побережье, пять подводных лодок и две полярные станции. Капитан намеревался вернуться на ледовый континент в самом ближайшем будущем. Его планам не суждено было осуществиться – в Европе разразилась Вторая мировая война.

Тем не менее Гитлер планировал продолжать колонизацию ледового континента, причем рассчитывая, в первую очередь, на встречу с его коренными обитателями. Фюрер отлично понимал: тот, кто первым получит доступ к тайнам неведомой цивилизации, станет обладателем мощнейшего козыря в борьбе за господство над миром. О том, что антаркты могут начать играть не по его правилам, Гитлер и не задумывался: такая постановка вопроса была для него непривычной.

Антарктические базы не были эвакуированы, а наоборот, достаточно активно развивались. Численность находившегося на них персонала с нескольких сотен человек весной 1939 года выросла до двух тысяч весной 1941-го. К берегам Антарктики было выслано несколько рыболовных судов, которые помогали снабжать продовольствием «население» Новой Швабии. Еще несколько аналогичных кораблей было захвачено германскими рейдерами, орудовавшими в тех водах. Очевидно, использованы были и пещеры с плодородной почвой. По крайней мере, там довольно быстро смонтировали несколько миниатюрных гидроэлектростанций, которые обеспечивали всю систему пещер и находившуюся над ними полярную станцию электричеством. Оборудование было изготовлено в 1940 году на фирме «Сименс» – об этом свидетельствует документация компании; заказ был сверхсрочный и оплачивался в двойном размере.

В 1941 году в Антарктиду был направлен Гесс (в Англию в это же самое время улетел его предварительно зомбированный двойник). С 1941 года Вальгалла – так называли нацисты свою ледовую колонию – начинает приобретать все более важное значение для Германии. Гитлер рассчитывал на «молниеносную войну», однако жизнь опрокинула все его расчеты. Страна втянулась в долгую европейскую бойню, к которой была не готова. И Антарктида с ее редкоземельными металлами, которые нашли нацистские геологи, была здесь как нельзя более кстати.

Существуют также определенные свидетельства, указывающие на то, что уже в 1941 году наиболее прозорливые представители элиты рейха понимали, что война может закончиться тяжелой катастрофой. На этот случай нужно было приготовить себе плацдарм для отступления. Что при таком раскладе может быть лучше, чем никому не известные карстовые пещеры на ледовом материке!

И Антарктида начала постепенно превращаться в убежище на случай, если Германия все-таки проиграет войну. Первым ее увидел в таком качестве Мартин Борман. Умный и циничный прагматик, он задолго до окончательного краха почувствовал его приближение. Именно ему, похоже, Антарктическая база обязана тем, что пережила крушение Третьего рейха. На юг подлодками и гигантскими транспортными самолетами отправлялись специалисты, оборудование, целые небольшие заводы. Задачей Бормана было сделать базу совершенно автономной, независимой от внешних поставок. Ему удалось в значительной степени преуспеть в этом.

Продолжалось и исследование континента. В 1941 году в глубине континента, примерно в 100 километрах от побережья, был открыт огромный оазис, совершенно свободный ото льда, с незамерзающими пресноводными озерами. Здесь находилось также множество горячих источников. Площадь оазиса, получившего название «Райский сад», превышала 5 тысяч квадратных километров. Что самое важное – вместо скал у первооткрывателей оазиса под ногами оказался пусть тонкий, но все же достаточный для земледельческих работ слой почвы. С конца 1941 года Новая Швабия полностью обеспечивала себя продовольствием. Важные шаги на пути к автономности были сделаны.

В начале 1945 года усилиями Мартина Бормана была проведена тайная подготовка к эвакуации в Вальгаллу всего наиболее ценного. Отбирать экипажи и персонал для эвакуации за океан начали еще в апреле. Ведал этим лично Дёниц. К 1 мая, когда фюрер уже был мертв, а судьба рейха не вызывала сомнений, все проблемы были решены. Всего для великого исхода было подготовлена около 150 лодок, включая субмарины из секретной эскадры А. Треть из них были транспортными, достаточно большой вместимости. Всего на борту подводного флота могло разместиться более 10 тысяч человек. Кроме того, за океан отправлялись реликвии и ценные технологии.

С 1 по 5 мая субмарины отправлялись в путь – по 30 лодок в день. Прекрасная организация перехода привела к тому, что потери оказались на удивление невелики. Практически все подводные лодки благополучно достигли ледового континента.

Собственно говоря, называть майские конвои «эвакуацией» не совсем правильно. Это была последняя, хотя и наиболее значительная, часть исхода. Стараниями Бормана многое уже было переправлено в Антарктиду. Это, например, относилось к новейшим моделям самолетов, в том числе реактивных, которые только-только начали поступать на вооружение люфтваффе. Конечно же, рейхсляйтер не заикался о необходимости сохранить лучшие образцы техники – упаси бог, за подобное пораженчество он был бы мгновенно отправлен в концлагерь! Речь шла о модернизации авиагруппы находившегося в антарктических водах германского авианосца «Рихтгофен» и об исследованиях внутренних районов Антарктиды, не более того. Правда, для этих целей на юг было направлено почти три сотни самолетов – этого хватило бы, чтобы укомплектовать «Рихтгофен» авиагруппой пять раз.

Что же увозили с собой субмарины гибнущей империи?

Во-первых, весьма ценный персонал. Не секрет, что после поражения в войне Германию недосчиталась многих известных ученых. В основном это были те, кто крепко связал себя с нацистским режимом и не ждал ничего хорошего от победителей. Среди эмигрировавших были биологи, специалисты по ракетной технике, ядерной физике, самолетостроению. В числе этих людей было немало фанатичных нацистов. С ними ехали квалифицированные рабочие, которым предстояло расширять производство в Новой Швабии.

Кроме того, к новым берегам отправилось множество нацистских функционеров, в том числе специалистов «Аненэрбе». Эти последние везли с собой множество мистических реликвий, собранных за годы существования Третьего рейха. О некоторых из них я уже рассказывал в своей первой книге. Было среди них, например, Копье Судьбы, которым, по преданию, пронзено сердце Иисуса Христа, распятого на кресте. Этот древний артефакт

считается одним из самых могущественных. Был там и Святой Грааль – памятник еще более древней эпохи, о котором известно очень мало. Мы знаем лишь, что сложившееся в христианской традиции представление и Граале как о чаше не соответствует действительности. Гитлер считал Грааль священным камнем древних германцев, на котором рунами высечена мудрость веков. Впрочем, не буду повторяться. Гораздо большее практическое значение, нежели все эти музейные экспонаты, имели новейшие технологии, которыми владели нацисты.

Далеко не секрет, что наука в Третьем рейхе развивалась очень бурно, намного опередив науку других развитых стран. Многие историки считают, что, если бы Вторая мировая война затянулась еще немного, немцы смогли бы в полной мере реализовать свое техническое превосходство и вырвать победу из рук противников. По крайней мере, накануне поражения в Германии были созданы атомные бомбы (факт, который до сих пор тщательно замалчивается). Обо всех технических чудесах рассказывать нет смысла – им я посвящу отдельную книгу. Хочу отметить только одно: весной 1945 года Антарктида стала настоящей кладовой передовой технической мысли.

Туда эвакуировалось в том числе и все связанное с ракетным проектом. Все новейшие разработки, все ультрасовременные технологии – все уплыло через Атлантический океан в страну вечных льдов. Значительная часть инженеров, принимавших участие в данных работах, также была направлена в Антарктиду.

То же самое касается и атомного проекта. Очевидно, Борман собирался эвакуировать на юг все бомбы и основных деятелей, связанных с разработкой ядерной бомбы. Почему же у него это не получилось?

Гиммлер против Бормана

Единственное заслуживающее внимания предположение – ему кто-то помешал. Кто-то достаточно могущественный для того, чтобы вступить в единоборство с самим рейхсляйтером. И еще – имеющий достаточные мотивы для того, чтобы это сделать. И такой человек мог быть всего один – это Гиммлер.

Действительно, рейхсфюрер СС стал предавать Гитлера еще в 1943 году, завязав первые контакты с американцами. С тех пор эти контакты поддерживались и расширялись. Чем ближе был крах Третьего рейха, тем больше усилий прикладывал Гиммлер для того, чтобы договориться с западными союзниками. При этом он тешил себя надеждой, что после устранения фюрера сам встанет во главе Германии.

Зачем англичане и американцы общались с этим запятнанным множеством преступлений типом? На это у них были свои причины. Во-первых, больше всего Черчилль и Рузвельт боялись коммунистического господства в Европе. В условиях, когда русские стремительно продвигались на запад, а население оккупированных немцами стран горячо сочувствовало им, такая угроза была вполне реальной. Чтобы не допустить этого, англосаксы были готовы пойти на сделку с самим дьяволом. Известен секретный план «Немыслимое», разработанный под руководством Черчилля в 1945 году. Он предусматривал войну с русскими, при этом планировалось использовать подразделения уже разоруженной на тот момент германской армии. Очевидно, Гиммлер прекрасно знал опасения своих партнеров по переговорам и искусно играл на них.

Во-вторых, рейхсфюреру СС было чем поторговаться. И речь даже не о евреях, которым он мог сохранить жизнь – в политической элите Запада евреи, откровенно говоря, мало кого интересовали. Куда интереснее были те разработки, которыми обладал Третий рейх, научные достижения нацистов. К их числу принадлежала и атомная бомба.

Я не знаю, какие условия выторговал Гиммлер в обмен на передачу ядерного оружия американцам. Знаю одно: допустить, чтобы Борман увез все в Антарктиду, он не мог. Именно поэтому три атомные бомбы остались в Германии. Что же произошло? Может, Гиммлер и

Борман договорились между собой? Вряд ли. Если бы рейхсфюрер открыл рейхсляйтеру свои карты, тот бы немедленно уничтожил его. Скорее всего, имела место закулисная борьба, какой немало в Третьем рейхе.

В связи с этим стоит вспомнить и судьбу фельдмаршала Моделя, который якобы покончил жизнь самоубийством после того, как его окружили в Рурском котле. Честно говоря, этот поступок меня всегда удивлял – Модель был энергичным, безжалостным человеком, готовым на все ради победы и способным сражаться до последнего. Если бы он погиб – то, скорее всего, с винтовкой в руках отбиваясь от американцев, а не пустив себе пулю в лоб. Один исследователь, изучавший биографию Моделя и обстоятельства его смерти, пришел к выводу, что фельдмаршала вполне могли убить. Только вот за что? Похоже, я нашел ответ на этот вопрос. Видимо, Модель мешал эсэсовцам – помогая Борману либо просто намереваясь использовать атомное оружие в боевых действиях. И то, и другое было для Гиммлера абсолютно неприемлемо.

Как бы то ни было, семь атомных бомб достались Борману, и он отправил их в Антарктиду, а три Гиммлер совершенно спокойно передал американцам. Что же стало потом с главными героями этой драмы?

Как известно, Мартина Бормана видели в последний раз в Берлине в начале мая. Затем он якобы пошел на прорыв через русские позиции под прикрытием нескольких танков и… пропал из поля зрения. Официальных доказательств гибели Бормана не нашли.

На самом деле до 1947 года рейхсляйтер отсиживался в монастыре в северной Италии. Выходить во «внешний мир» было опасно – повсюду шла охота на нацистских преступников, и продолжительность свободной жизни за пределами монастыря могла измеряться для Бормана днями, если не часами. Тем более что его искали – никто не был до конца уверен в смерти «серого кардинала». Даже Нюрнбергский международный трибунал принял решение судить Бормана заочно. Рейхсляйтер был приговорен к смертной казни. После этого у него оставался лишь один путь: в Антарктиду.

Через два года после поражения Германии, наконец, представился удобный случай для того, чтобы вывезти Бормана из Европы. С помощью Скорцени и его организации бывший рейхсляйтер, снабженный поддельными документами и загримированный до неузнаваемости, садится на корабль, который идет… нет-нет, не в Южную Америку – все подобные рейсы достаточно тщательно проверялись – а в Восточную Африку через Суэцкий канал. Именно так, кружным путем, через Индию и Австралию, Борман и добрался до Новой Швабии. Здесь он возглавил базу и, по сути, спас ее от неизбежной гибели, перехватив бразды правления из рук впавшего в апатию Гесса.

Сложнее обстоят дела с судьбой Генриха Гиммлера. Вынужден сознаться – у меня слишком мало данных для того, чтобы утверждать что-то наверняка. Известно, что в конце войны рейхсфюрер рванул к Дёницу во Фленсбург чтобы там занять ключевой пост в новом, последнем правительстве Третьего рейха. А может быть, для того, чтобы успеть эвакуироваться в Антарктиду? В любом случае у него не вышло ни то, ни другое. А дальше, как уверяют официальные историки, переодетый Гиммлер смешался с толпой беженцев, сделав себе предварительно документы на чужое имя, и попытался скрыться. Его задержал бдительный часовой на британском контрольно-пропускном пункте, и рейхсфюрер, не дожидаясь суда и следствия, принял яд и таким образом оборвал свою жизнь. Тело быстро сожгли и забыли.

Слишком все гладко, вам не кажется? Не исключено, что погибший вовсе не был Гиммлером – иначе к чему такое тщательное уничтожение его останков? Возможно, рейхсфюрер СС все-таки получил от победителей свое вознаграждение и тихо доживал свой век под чужим именем где-то в дальних странах.

Хотя, возможно, официальные историки правы и Гиммлер действительно покончил жизнь самоубийством в конце весны 1945 года. Ведь что мешало американцам, когда они получили все желаемое, попросту избавиться от неудобного и компрометирующего их партнера? Истину, возможно, мы так никогда и не узнаем…

Версия № 3. А кто сказал, что ее не взорвали?

Уже после того, как я закончил эту книгу, мне попалась на глаза одна странная и любопытная история. Речь идет о гибели конвоя LW-143, шедшего из Соединенных Штатов к берегам Британии. Это был один из сотен таких же конвоев, пересекавших Атлантику в годы войны, причем далеко не самый крупный. Но упоминания о нем вы не найдете на страницах книг по истории. Более того, официальные лица флота делают вид, что такого конвоя вообще никогда не было.

Натолкнулся я на него случайно, изучая деятельность немецких субмарин в годы Второй мировой войны. Весной 1945 года германским подлодкам, казалось, было уже нечего ловить в Атлантике. Им противостояли сотни противолодочных кораблей и самолетов. Редко кому из ребят Дёница удавалось записать на свой счет транспорт, не говоря уж о боевом корабле.

И вот в списке американских эскортных авианосцев, погибших при сопровождении конвоев, я натыкаюсь на неизвестное ранее название. Легкий эскортный авианосец «Секвойя», введенный в состав флота в ноябре 1944 года, 18 марта сорок пятого гибнет, как указывалось в справочнике, «от атаки германской субмарины». Самое интересное, что по другим публикациям, в том числе официальным справочникам Министерства обороны США, этот корабль вообще никак не просматривается. Такое ощущение, что его вообще не существовало!

Так была «Секвойя» или нет? Чтобы ответить на этот вопрос, мне пришлось перелопатить кучу источников и в дополнение ко всему слетать в США, хотя я не особенно люблю эту страну. В итоге я могу дать совершенно четкий ответ: да, «Секвойя» существовала, но этот факт почему-то замалчивается.

Кто же из немецких капитанов ее утопил? Еще более сложный вопрос, потому что с немецкой стороны уничтожение авианосца не просматривается вообще! И это совсем странно, потому что любой командир подлодки с радостью записал бы на свой счет авианосец. Вероятность того, что кто-то был не уверен в своем успехе и поскромничал, ничтожно мала. Скромность не входила в число достоинств германских подводников.

Возможно, авианосец был потоплен лодкой из «антарктический конвоев»? Очень вряд ли. Субмарины, шедшие в Антарктиду, имели четкий приказ избегать любого боевого столкновения с противником. Даже если бы перед одной из них возник самый могучий линкор флота США с самим Рузвельтом на борту, командир не имел права стрелять. Большинству из них даже не давали торпед, чтобы не вводить в искушение. Секретность антарктической базы была превыше всего.

Может быть, все совсем банально – произошла ошибка, и «Секвойю» потопила своя же субмарина? Трудно поверить. Впрочем, может быть, я в конце концов и остановился бы на этой версии, если бы не одно любопытное обстоятельство. Дело в том, что от списка авианосцев я перешел к спискам других кораблей и обнаружил, что 18 марта 1945 года флот США лишился еще легкого крейсера, семи эсминцев и доброго десятка противолодочных кораблей других классов! Все они значились как потопленные субмаринами, хотя ни один немецкий капитан не взял на себя ответственность за гибель этих кораблей.

Честно говоря, такая массовая гибель посудин под звездно-полосатым флагом меня озадачила. Особенно учитывая почти полное отсутствие потерь до и после 18 марта. Кроме того, что-то еще смущало меня в этом списке. Приглядевшись, я понял, что: перечень потопленных кораблей был фактически полным комплектом охраны небольшого конвоя!

Список американских конвоев я взял в руки быстрее, чем вы прочли эту строчку. Какой конвой находился в пути 18 марта? Таких было несколько, но все они благополучно прибыли в порт назначения. И тут я обратил внимание на отсутствие в списке конвоев серии LW номера 143. LW-142 есть, LW-144 тоже, а вот 143-го почему-то не наблюдается. Интересно почему? Конвои выходили из Штатов один раз в три дня; 142-й отправился в путь 9 марта, 144-й – 15-го. Почему же отменили 143-й? Или его никто не отменял и он спокойно вышел в море 12 марта? Значит, 18-го он находился в плавании?

Чем больше смеркалось за окном, тем мрачнее становились мои подозрения. Почему правду о 143-м конвое скрывают? И главное, что это за правда?

Предположим, конвой был уничтожен одной из «волчьих стай» – групп германских подлодок. Но почему тогда немцы молчат? Они должны были бы кричать о таком успехе на каждом углу! К тому же тщательная и беспристрастная проверка показывает, что немцам в марте сорок пятого уже не удалось бы собрать достаточно крупную группу подлодок для того, чтобы разгромить целый конвой. Ведь полтора десятка боевых судов должны были сопровождать не менее 20–30 транспортов. Чтобы перетопить такую кучу посудин, нужно было собрать не менее полусотни субмарин. А это было нереально для ведомства Деница, особенно в условиях, когда лучшие подлодки сновали между Германией и Антарктидой.

Разгадка пришла внезапно. В одном из архивов мне удалось наткнуться на каким-то чудом уцелевшие воспоминания старого американского моряка. В них он довольно долго и занудно описывает свой боевой путь (всю войну сей морской волк прослужил на тяжелом крейсере в Атлантическом океане, поэтому противника в глаза не видел). Более скучного чтива я не видел в своей жизни – наверное, поэтому его мемуары никто не удосужился прочесть до конца. А там, посреди огромного стога сена, скрывалась настоящая жемчужина.

В конце марта 1945 года нас срочно направили в довольно отдаленный район Атлантики. Это был так называемый «резервный маршрут» – когда на пути конвоев вставали шторм или крупные отряды немецких субмарин, они шли именно этим обходным путем. Мы спешили как на пожар, шли на максимальной скорости, не считаясь с расходом топлива. Все, кто был на борту, гадали: что же такое ждет нас впереди, что заставляет нас нестись сломя голову? Два дня спустя мы получили ответ.

На вечернем океане дрейфовали примерно два десятка кораблей. Вернее, уже не кораблей, а обугленных остовов. В одном из них можно было узнать эсминец, другой напоминал транспорт типа «Либерти». От большинства из них поднимались в воздух струйки дыма.

Мы стояли на палубе, завороженные этим зрелищем. Никогда никто из нас не видел ничего подобного! Словно огромный пожар превратил какой-то конвой в сонм «летучих голландцев», мрачных и безжизненных. Впрочем, долго рассуждать нам не пришлось: командир соединения отдал приказ топить ужасающие развалины. Наши эсминцы развернулись в боевой порядок и стали выпускать торпеду за торпедой в мертвые корабли.

Впрочем, не такие уж и мертвые: с палубы одного из них, на вид наименее пострадавшего, взвилась сигнальная ракета. На другом показалась неуклюжая человеческая фигура, пытавшаяся махать рукой. Выглядела она как-то странно, настолько, что никто даже не рискнул рассмотреть ее в бинокль. Тем не менее наш адмирал отдал приказ топить все, что держалось на поверхности воды. Три часа спустя все было закончено. Мы старались не задумываться над тем, что это было и оставались ли там живые люди. Впоследствии мы так и не получили никакого объяснения этим странным явлениям.

Объяснение легко находится, если сравнить этот рассказ с воспоминаниями очевидца американских ядерных испытаний, проводившихся в 1948 году. Тогда янки согнали к пустынному атоллу кучу старых кораблей и грохнули одну из своих (действительно своих) бомб. Картина после взрыва выглядела следующим образом:

Покинутые корабли и до взрыва-то не были особенно привлекательны, а после испытаний просто ужасны. Большинство из них горело, те, которые находились ближе к эпицентру, напоминали обугленные головешки. Странно, что они вообще держались на воде. Если бы там были люди, у них не имелось бы никаких шансов спастись.

Это был последний штрих, подкрепивший мою уверенность в том, о чем я уже давно догадывался: немцы таки использовали свою атомную бомбу. История, скорее всего, разворачивалась по такому сценарию.

Конвой LW-143 вышел из американских портов 12 марта. Он насчитывал примерно 30 транспортных и 15–20 боевых кораблей охранения. После пары дней пути командир конвоя получил сообщение о бушующем в центре Атлантики шторме (шторм, кстати, действительно был) и пошел резервным маршрутом. Здесь конвой засекли германские субмарины и передали информацию на базу.

Утром 18 марта с германского аэродрома взлетел один из тяжелых транспортников «Юнкерс-390». Однако не сей раз он вес не оборудование для антарктической базы, а гораздо более страшный груз. В его чреве находилась одна из немецких атомных бомб. Пилот имел прямую радиосвязь с субмариной, которая передала ему последние данные о местонахождении конвоя, после чего получила приказ смываться на максимальной скорости. После этого для опытного летчика (возможно, за штурвалом сидел один из асов германской бомбардировочной авиации) не составило труда обнаружить американцев.

Тем временем радары американских кораблей зафиксировали быстрое приближение тяжелого самолета. Конвой быстро собрался в компактную группу, чтобы обеспечить лучшую плотность зенитного огня. Это и погубило моряков. Сброшенная немецким пилотом бомба попала точно в центр боевого порядка кораблей. Что произошло дальше, легко себе представить. Страшный взрыв, атомный гриб над Атлантикой, горящие корабли конвоя…

Единственное, что меня удивляло, – почему немцы сбросили бомбу на конвой, а не на какую-нибудь более привлекательную цель? Разбомби они, к примеру, Лондон – человеческие жертвы у противника оказались бы куда выше. Видимо, гибель конвоя LW-143 была всего лишь ходом в игре Гиммлера, демонстрацией собственных возможностей. Рейхсфюрер СС показывал американцам, что он не блефует, что у Германии действительно есть атомное оружие. В интересах обеих сторон было минимизировать человеческие жертвы и избежать ненужной огласки. В этом случае конвой, идущий по пустынной Атлантике, был оптимальной целью.

Глава 4. КАК СОЗДАВАЛСЯ СВЕРХЧЕЛОВЕК

Куда уходил уран?

Казалось бы, с атомным проектом Гитлера все было ясно. Теперь, наконец, можно было отдохнуть и заняться основательно позаброшенными делами моей фирмы. Впрочем, заниматься там было особо нечем – все катилось по накатанным рельсам и развивалось в целом вполне успешно. Поэтому я ради собственного удовольствия начал снова листать книжки, посвященные германской атомной программе, и искать объяснения, почему же немцам якобы не удалось создать свою атомную бомбу.

Естественно, в большинстве своем объяснения были вполне стандартные: «не успели», «ошибались», «Гитлер был дурак»… В общем, ничего оригинального. И лишь в единственной, малоизвестной работе я нашел нечто любопытное. Автор взял интервью у одного из создателей немецкой атомной бомбы – профессора Отто Гана. И профессор, в частности, сказал следующее:

В нашей работе нам очень мешали люди из СС. Наверное, именно они сорвали весь ядерный проект. Дело в том, что они забирали для своих нужд значительное количество радиоактивных материалов, которых нам так не хватало в нашей работе. Зачем они их

использовали, мне неизвестно, возможно, пытались сформировать какую-то свою программу. В любом случае у них ничего не вышло.

Может быть, я бы прошел мимо этих слов совершенно спокойно, если бы не воспоминание, молнией промелькнувшее в моем мозгу. Ведь что-то очень похожее говорил и Адольф Ойле! Тогда я упустил это из виду, потому что передо мной стояли другие задачи. И вот теперь я сел за компьютер, открыл файл с нашей беседой (я всегда ношу с собой тонкий, как шариковая ручка, цифровой диктофон – продукт новейших технологий) и начал внимательно прослушивать ее уже в который по счету раз.

И действительно, память меня не подвела. Рассказывая о некоторых аспектах ядерной программы, Ойле сказал:

Как и повсюду в СС, тут тоже была конкуренция. Дело в том, что часть материалов мой отец должен был отдавать Третьему управлению Института расовых исследований, который тоже входил в состав «Аненэрбе». Как вы понимаете, делиться очень не хотелось, поэтому приходилось всеми путями скрывать имевшиеся излишки.

Итак, словам Гана найдено подтверждение, причем весьма серьезное – судя по всему, Адольф Ойле говорил со мной начистоту. Да и зачем германскому физику было выдумывать новое объяснение, если до этого вполне хватало старых? Такое впечатление, что на волю вырвалась застарелая обида на конкурентов. Конечно, Ган быстро понял, что сболтнул лишнего, и выдвинул заведомо идиотскую версию о некоем втором атомном проекте под контролем СС (как будто сам он работал не в рамках «Аненэрбе»!) Но и здесь дал волю своему злорадству, в результате чего в его словах возник видимый невооруженным глазом парадокс: о проекте ничего не знаю, но он не удался, это точно!

К сожалению, я не стал подробно расспрашивать Ойле о Третьем управлении Института расовых исследований. Соваться же к старику еще раз было явно бесполезно. Приходилось снова продвигаться вперед методом проб и ошибок, долгих и не всегда успешных поисков…

Но сначала следовало просто посидеть и подумать. Зачем эсэсовцам нужны были радиоактивные материалы, кроме как для атомного проекта? Естественно, в существование двух конкурирующих групп, занимавшихся одним и тем же, я не верил. Не настолько богат был Третий рейх для того, чтобы позволить себе подобную расточительность. Тогда зачем еще нужны радиоактивные материалы? Может, для изготовления боеприпасов – чего-то вроде современных снарядов с обедненным ураном? Но существование таких боеприпасов не удалось бы скрыть, информация о них однозначно выплыла бы на поверхность.

К тому же с какой радости Институт расовых исследований будет заниматься боеприпасами? Честно говоря, я имел довольно смутное представление о функциях этой конторы. В общем и целом она занималась, во-первых, собственно расовыми исследованиями (чем отличаются расы друг от друга), во-вторых, там изучались возможности человеческого организма.

Может, с этим и связана потребность в радиоактивных материалах – Третье управление попросту исследовало их влияние на человеческий организм? Тогда все становится понятным. Кроме одного – зачем их было нужно так много, что это всерьез отвлекало средства от атомного проекта? Сплошные загадки. Разгадать их обычно бывает нелегко, зато интересно.

И я с энтузиазмом занялся поиском следов Третьего управления.

Экспедиция Шеффера

Мне пришлось долго рыться в бумагах, доставшихся мне от отца и дяди Олафа, прежде чем я смог выяснить хоть что-то. Как оказалось, Третье управление было сформировано осенью 1939 года, а во главе его был поставлен никто иной, как давно и хорошо известный мне Эрнст Шеффер.

Те, кто читал мою первую книгу, уже знают этого человека. Остальных постараюсь очень кратко ввести в курс дела. Эрнст Шеффер был одним из самых молодых и талантливых сотрудников института «Аненэрбе». Еще в детстве он увлекался восточной культурой, но в университете изучал не свою любимую ориенталистику, а зоологию. Именно в качестве зоолога он отправился в 1931 году в Восточный Тибет в составе экспедиции Долана. Никто не знал, что Шеффер являлся членом НСДАП и был близко знаком с Гиммлером; рейхсфюрер СС «благословил» юношу на поездку и поставил перед ним несколько сложных задач, в числе которых были поиски страны Шамбалы.

Экспедиция совершила множество географических открытий, описала новые виды животных и растений. Молодой биолог начинает вести двойную жизнь – с одной стороны, продолжает свои открытые научные изыскания, с другой – с головой погружается в оккультную тематику. Времени и сил хватает и на то, и на другое. Расположение к нему Гиммлера сохраняется и даже крепнет. В 1933 году, сразу после основанию института «Наследие предков», Шеффер становится его штатным сотрудником. Два года спустя он отправляется в новую экспедицию в Тибет. После нее в распоряжении СС оказались тысячи древних тибетских рукописей, весомая часть огромного культурного наследия, мудрости Востока. Результаты оказались настолько обнадеживающими, что встал вопрос о немедленной организации новой, очередной экспедиции.

Подготовительная работа была завершена к концу 1938 года. Помимо профессиональных ученых, в экспедицию вошли профессиональные разведчики и диверсанты, а также специалисты по радиосвязи. Гиммлер в ту пору грезил организацией прямой радиосвязи с Лхасой, чтобы постоянно общаться с высшими непознанными силами. Очевидно, планировалось размещение в Тибете постоянно действующего центра. Фактически делался первый шаг к колонизации Тибета, этой, как считал целый ряд ученых, таинственной прародины ариев, нацистской Германией.

Немцы разбили лагерь у горы Канченджанга. Шеффер утверждал, что у подножия этой горы находится один из входов в таинственную Шамбалу. На вершине удалось установить контейнеры с радиоаппаратурой, которая могла работать в совершенно автономном режиме. Все подходы к ретранслятору минировались, любая неосторожная попытка приблизиться влекла за собой неминуемый взрыв. При этом взрывы автоматически вызывали сход лавины, которая уничтожала и аппаратуру, и того, кто попробовал бы прийти за ней.

Только начало Второй мировой войны не позволило немцам продолжить колонизацию Тибета. Судя по ряду косвенных признаков, Шефферу все же удалось найти Шамбалу или, по крайней мере, нечто, достаточно ценное. Передатчик на вершине горы, который должен был обеспечить связь с якобы обитающим в Тибете высшим разумом, действовал до 1942 года, когда его уничтожили англичане. Любопытная деталь: Германия одерживала победы до 1942 года, после чего начала терпеть постоянные поражения. Конечно, на то есть великое множество вполне объективных причин; но кроме них, всегда есть определенный личностный фактор. В теории менеджмента есть понятие «качество управленческих решений», которое характеризует, насколько хорошо руководитель руководит. Так вот, именно это качество управленческих решений у Гитлера резко упало в 1942 году, синхронно с уничтожением передатчика. Так что вопрос о том, не получал ли фюрер рекомендаций из Шамбалы, по-прежнему остается открытым.

Мне удалось обнаружить и еще одно любопытное обстоятельство. Дело в том, что тибетские власти настолько доверяли немецким ученым, что позволили им проникнуть в святая святых буддийских монастырей – в их подземные святилища, куда пускали, мягко говоря, далеко не каждого. Именно здесь проходил обряд обретения так называемого дара ясновидения. Суть его заключалась в следующем: тибетские монахи давно заметили, что пророчествовать люди начинают, чаще всего, после мозговой травмы. Если нанести подобную травму искусственным путем, человека можно превратить в ясновидящего. Ритуал

назывался «открытием третьего глаза». В центре лба просверливали отверстие, затем закрывали его деревянным клином, мазали целебными мазями и давали зарасти. Шеффер и еще несколько участников экспедиции дали согласие на проведение подобной операции.

Вероятно, результат операции оказался хорошим, поскольку подобные операции в начале 40-х годов начали делать многим офицерам СС. В 1995 году в районе Севастополя (город на полуострове Крым, Украина) было обнаружено целое немецкое военное кладбище, на котором все покойники имели треугольное отверстие во лбу. После долгой кропотливой работы удалось установить и номер части, к которой принадлежали когда-то эти военные. Ею оказался 15-й специальный батальон войск СС.

Раньше мне не встречались упоминания о специальных батальонах СС. Что это за подразделения и, самое главное, какое отношение имеет к ним (если имеет) загадочное Третье управления? Это мне и предстояло установить.

Специальные батальоны

Пока что у меня было две зацепки: Шеффер и специальные батальоны. Этого, разумеется, маловато, но на первое время должно было хватить. В первую очередь меня заинтересовали воинские части – судя по всему, они были достаточно многочисленными и использовались в боевых действиях. Значит, и исчезнуть бесследно не могли. И я стал кропотливо изучать в немецких архивах боевые действия Второй мировой войны.

К слову сказать, попутно мне удалось найти немало интересного. Например, загадочные и не вполне объяснимые подробности германского ракетного проекта. Но речь сейчас не о них, а о специальных батальонах. Не сразу и не вдруг, но кое-что мне выяснить все же удалось.

Специальные батальоны были строго секретными подразделениями и находились в личном подчинении Гиммлера, который собственноручно, можно сказать, направлял их на самые ответственные участки. Даже точное число их неизвестно – мы знаем только, что их насчитывалось не меньше 20 и не больше 30 (я знаю о существовании 29-го батальона, но в нумерации, возможно, были пропуски – так, о 10-м батальоне нет вообще никаких сведений). В каждом было от 500 до 1000 человек, итого общее число колеблется в пределах 10–30 тысяч солдат и офицеров. Еще мы знаем, что комплектовались такие батальоны добровольцами, прошедшими строгий отбор. И этим самым отбором занималось именно Третье управление Института расовых исследований!

Получается, что Шеффер занимался просто подбором кадров? Ни зачем для таких несложных, в сущности, дел нужно было организовывать целый институт? Если речь шла только о выдающихся физических или интеллектуальных данных кандидатов, то почему требовалось держать программу в строжайшем секрете? Наоборот, действия батальонов (кстати, в основном довольно успешные) следовало рекламировать как главное доказательство правильности расовой доктрины нацистов. Почему же этого не делалось?

И тут я снова вспомнил про пресловутые дырки в черепе. Видно, не только подбором кадров занимался Шеффер, но и какой-то их подготовкой. Причем подготовкой весьма своеобразной, с использованием привезенных из Тибета методик.

Чтобы понять, что это были за методики, нужно узнать больше подробностей. Я написал электронное письмо в Севастополь, в местную научную организацию, которая проводила раскопки немецкого кладбища. Ответ пришел через неделю.

Уважаемый господин фон Кранц! Спасибо за интерес к нашей деятельности. Все захороненные были, судя по останкам, молодыми мужчинами в возрасте приблизительно от 20 до 30 лет. Кроме треугольных вырезов в черепе, других отличительных особенностей на их останках не обнаружено. У некоторых имеются при себе документы, однако не все из них удается прочесть. Прилагаем фотокопию солдатской книжки одного из воинов.

Это было как раз то, что мне нужно. Книжка была отсканирована с достаточно высоким разрешением, и я мог без труда прочесть все надписи. Мое внимание привлек простенький канцелярский штамп, на котором было написано: «Прошел медицинскую подготовку № 4». Речь идет именно об «отверстии для ясновидения». Но меня больше интересовало другое – если существовала подготовка номер четыре, значит, была и номер один, и два, и три? Значит, вырезами в черепе дело не ограничивалось?

И тут я снова свалился в область догадок, которые можно назвать логическими умозаключениями. Мы мало знаем о том, что делали с новобранцами в Третьем управлении? Так давайте зайдем с другой стороны – а какие вообще качества нужны солдату? Физическая сила, выносливость, неуязвимость, быстрая реакция, способность слышать и видеть лучше, чем твой противник… Судя по всему, именно над этим и работали подчиненные Шеффера. Причем в их деятельности нет ничего особенно фантастического – в конечном счете, препараты, которые позволяют на некоторое время резко повысить возможности человека, существуют уже давно. Они широко применяются – в первую очередь, спортсменами и спецназовцами. Один из них, под кодовым названием J5GUX, стоял на вооружении гвардейцев одного центральноафриканского диктатора. Европейский путешественник так описывал действие этого препарата:

Приняв J5GUX, человек на несколько часов становился нечувствителен к боли. Его пульс учащался до предела, сердце едва ли не выпрыгивало из груди. Реакция становилась молниеносной, быстрота и физическая сила увеличивалась во много раз, выносливость поражала. Принявший этот препарат человек мог бежать на протяжении нескольких часов без остановки со скоростью не менее 50 километров в час. Повышенная доза препарата действовала сутки, правда, после этого принявший ее неизбежно умирал – все ресурсы его организма оказывались исчерпанными.

Судя по всему, Третье управление пошло иным путем – возможности организма солдат из специальных батальонов были повышены надолго и всерьез, причем без всякого очевидного ущерба для их здоровья. Копаясь в пыльных архивах, я находил все больше и больше документов, которые, как маленькие кусочки мозаики, складывались в единую картину.

Уже давно замечено, что германские солдаты на фронтах Второй мировой войны несли меньшие потери, чем их противники. Конечно, многое можно списать на их прекрасную выучку, на хорошее оружие (например, чего стоят одни только танки «Тигр» и реактивные истребители!), но все-таки этого недостаточно. Кроме того, историки поражаются той легкости, с которой немцы обычно прорывали вражескую оборону. Словно бы впереди наступающих войск шло какое-то железное острие, которое прорывало самые укрепленные позиции.

А ведь это острие шло. У него даже было свое имя – специальные батальоны СС. Вот выдержка из секретного приказа, опубликованного в июне 1943 года – незадолго до крупного наступления против русских.

В группировку, наступающую на Курск с севера, следует включить 3, 6, 7 и 15-й специальные батальоны СС. Войска, наступающие на Курск с юга, должны получить в качестве подкрепления 2, 9, 10, 11, 12, 13, 18 и 21-й специальные батальоны СС. Батальоны надлежит использовать для прорыва вражеской обороны и вывести из боя сразу же после того, как войска выйдут на оперативный простор. Соблюдать обычные для таких случаев меры секретности. Не допустить попадания к противнику тел солдат из 2, 3, 11 и 12-го батальонов.

Почему только из этих четырех? Совершенно очевидно, что эсэсовцы из разных батальонов подверглись разной степени «обработки», и у некоторых она была более наглядной. А нацисты свято берегли свои технологии и явно не хотели, чтобы они попали к кому-нибудь еще. Поэтому и следы подчищали довольно качественно.

Крупицы информации

Тем не менее мне медленно, но верно удавалось то здесь, то там найти крупицы интересующей меня информации. Оказалось, что Третье управление было не просто центром подготовки солдат. Здесь проводились весьма масштабные медицинские эксперименты, которые должны были повысить боеспособность германской армии. Разумеется, путем повышения качества ее человеческого материала. Третье управление имело свои филиалы во всех крупных концлагерях, где проводились опыты попроще. Знаменитые доктор Менгеле и Ильза Кох, равно как и другие осужденные после войны эсэсовские врачи-убийцы, были всего лишь подручными своих шефов из «Аненэрбе», мелкими сошками.

После войны в лапы союзников попала такая же мелкая сошка – какой-то медицинский работник, трудившийся в Третьем управлении. То ли парень не хотел говорить, то ли меры по обеспечению секретности в «Аненэрбе» были на высоте (во что мне верится сильнее), но он мало что видел и мало что знает. В Третье управление его взяли после долгих проверок, дали эсэсовский чин и усиленное питание. В общем, он занимался специальной программой тренировок, которая значительно усиливала человеческие мышцы. Система была такая: в мышцы вводился специальный состав, содержание которого в найденном мной документе было не раскрыто. Готовили его, что любопытно, но вполне ожидаемо, два тибетца. Одновременно проводились тренировки, во время которых человек дышал травяными испарениями. Следователи искали следы преступлений против человечности, а поскольку таковых было огромное количество и гораздо страшнее описанного, то свидетельство никогда не оглашалось.

Поскольку допрашивали парня юристы, а не ученые, все самое важное в документе не зафиксировано. Ну неинтересно им было, как увеличивалась мышечная сила! Важно было, сколько людей при этом было искалечено или погибло. Такие случаи были – во время тренировок люди умирали от перенапряжения – но редко. Кстати, этот горе-медик был позднее переведен в какую-то тюрьму, находившуюся под пристальным вниманием спецслужб, и затем следы его потерялись.

Найти других действующих лиц оказалось нереально. Что касается персонала Третьего управления в целом, то здесь получилась довольно интересная история. Как выяснилось, их исследовательский центр находился около города Бреслау – сегодня это на территории Польши, а тогда на самом востоке Германии. В начале 1945 года Бреслау в результате русского наступления попал в окружение. Персоналу исследовательского центра был отдан приказ – пробиваться на запад. Тогдашний руководитель Третьего управления группенфюрер СС Краних (Шеффер некоторое время назад был привлечен к другому, еще более загадочному проекту) собрал кое-какие военные отряды, раздал всем гражданским оружие и двинулся в бой. Врачи, естественно, были не в белых халатах, а в эсэсовской форме. А после того, что СС натворили в России, русские их в плен не брали вообще – стреляли на месте даже в тех, кто руки поднял. В общем, за редким исключением там все и полегли.

Тем не менее мне удалось раскопать еще одно свидетельство. Дело в том, что, для своих экспериментов «Аненэрбе» использовал узников из специального концлагеря. Всем в мире известны названия гигантских концентрационных лагерей – таких, как Бухенвальд, Аушвиц или Равенсбрюк. Гораздо менее известно название Оберзальцах, хотя этот лагерь играл важнейшую роль в «империи смерти» СС. И совсем не в силу его масштабов – по сравнению с тем же Освенцимом его масштабы просто смехотворны. Однако начальник Оберзальцаха занимал в должностной иерархии СС самую высокую позицию из всех своих коллег, да и подчинялся непосредственно Гиммлеру. Почему? Многое проясняет название лагеря: «Образцовая колония для научных исследований». Здесь, в Оберзальцахе, содержались люди, которых планировалось использовать в виде подопытных кроликов в различных научных экспериментах. Один из главных заказчиков «человеческого материала» – институт «Наследие предков». Да-да, то самое безобидное научное учреждение, которое

занималось всякими мифами и легендами! Руководитель «Аненэрбе» Сиверс даже однажды писал прошение о передаче лагеря в подчинение «Аненэрбе». Гиммлер не согласился: все нити власти он стремился держать в своих руках.

Считалось, что все они погибли в конце войны – были отравлены газом. Но дело в том, что институты «Аненэрбе» существовали по всей стране и возить туда-сюда каждый день подопытных кроликов было довольно накладно. Поэтому при каждом исследовательском центре существовал «мини-лагерь». В общем, на Бреслау незадолго до ухода сотрудников «Аненэрбе» на прорыв был совершен авианалет. Пострадала и территория Третьего управления, несколько бомб упали на лагерь. В итоге часть узников погибла, часть (еще способная двигаться) разбежалась. Немцам, понятное дело, было уже не до того, чтобы их отлавливать. В итоге один из них дал потом показания, которые мне тоже удалось найти.

Как я и предполагал, эксперименты ставились весьма необычные. Заключенным вводились специальные составы, которые, например, позволяли им не дышать под водой в течение 15–20 минут, а то и больше. Естественно, проводились эти опыты в чисто нацистском стиле – человека помещали под воду и ждали, пока он захлебнется. Жертв успешных экспериментов убивали (чтобы не оставлять свидетелей), жертвы неудачных по большей части умирали сами. Оставались в живых немногие – те, кто прошел через «несмертельные опыты» и остался пригоден к дальнейшему использованию (как бы цинично это слово не звучало, но эсэсовцы использовали только его).

Именно к этой категории относился наш герой. Его привели в какое-то помещение и заставили в течение трех часов дышать странными парами. Потом провели всевозможные измерения. Сам он рассказывал, что во всем теле появилось ощущение легкости и силы. Видимо, использовался какой-то специальный стимулятор. В общем, потом его вернули в барак, а ощущение все длилось. На следующее утро прилетели русские штурмовики. Когда он увидел, что охрана разбегается (сбросив бомбы, бронированные самолеты снизились до бреющего и начали прицельно расстреливать сторожевые вышки), он рванулся из барака и побежал. Бежать было очень легко, скорость, по его субъективным ощущениям, была невероятной. Так он и попал к русским, успел рассказать свою историю и умер, когда действие стимулятора закончилось – таким изношенным был его организм.

Медики на службе СС

Вообще говоря, медики составляли едва ли не самый многочисленный контингент в институте «Аненэрбе». Оно и понятно: изначальной задачей организации было исследование арийской расы – как древней, так и современной, а кто является большим специалистом по человеку, чем врач? В структуре «Наследия предков» медики занимали порой весьма высокие посты. Они занимались, помимо расологических штудий, весьма подробными исследованиями человеческого организма в интересах вооруженных сил. В том числе и вопросами о том, какие максимальные нагрузки может выдержать солдат.

Руководителем медицинского отдела «Наследия предков» (впоследствии выросшего в отдельный институт) был доктор Зигмунд Рашер. Профессиональный медик очень высокой квалификации, он еще в молодости увлекся расовыми теориями. Рашер считал, что древние арии обладали сверхчеловеческими способностями; вернуть их современным германцам – задача медицины.

Чтобы решить эту задачу, Рашер начал исследовать экстремальные состояния человеческого организма. В частности, влияния на человека больших высот – в этих исследованиях были заинтересованы военно-воздушные силы. Подопытные брались из все того же концлагеря при институте. Их помещали в декомпрессионную камеру, где при помощи откачки воздуха создавалось низкое давление. В своем рабочем дневнике Рашер так описывал эти опыты:

Опыт проводился в условиях отсутствия кислорода, соответствующих высоте 8820 метров. Испытуемый в возрасте 37 лет в хорошем физическом состоянии. Дыхание продолжалось в течение 30 минут. Через четыре минуты после начала испытуемый стал покрываться потом и крутить головой. Пять минут спустя появились спазмы; между шестой и десятой минутами увеличилась частота дыхания, испытуемый начал терять сознание. С одиннадцатой по тридцатую минуту дыхание замедлилось до трех вдохов в минуту и полностью прекратилось к концу срока испытания… Спустя полчаса после прекращения дыхания началось вскрытие.

В реальности все это выглядело гораздо ужаснее. Люди рвали на себе волосы, расцарапывали лицо и голову, бились головой о стены – все для того, чтобы уменьшить невыносимое внутреннее давление.

Следующий опыт был посвящен замораживанию. Особенно актуальными эти эксперименты стали ввиду вторжения германской армии в Россию, где зимы, как известно, отличаются невероятно низкими температурами. Кроме того, в них были заинтересованы все те же ВВС – экипажи самолетов, бомбивших Англию, иногда были вынуждены выбрасываться с парашютами над Северным морем и по много часов проводили в ледяной воде. Рашеру предстояло установить две вещи: во-первых, как долго человек может выдерживать холод, прежде чем погибнет, и, во-вторых, как лучше всего отогреть замерзшего.

Эксперимент проводился следующим образом (снова процитирую самого Рашера):

Испытуемых погружали в воду в полном летном снаряжении с капюшоном. Спасательные жилеты удерживали их на поверхности. Эксперименты проводились при температуре воды от 2,5 до 12 градусов по Цельсию. В первой серии испытаний скулы и основание черепа находились под водой. Во второй – погружались задняя часть шеи и мозжечок. С помощью электрического термометра была измерена температура в желудке и прямой кишке, составлявшая соответственно 27,5 градусов по Цельсию и 27,6 градусов по Цельсию. Смерть наступала лишь в том случае, если продолговатый мозг и мозжечок были погружены в воду. При вскрытии после смерти в указанных условиях было установлено, что большая масса крови, до полулитра, скапливалась в черепной полости. В сердце регулярно обнаруживалось максимальное расширение правого желудочка. Испытуемые при подобных опытах неизбежно погибали, несмотря на все усилия по спасению, если температура тела падала до 28 градусов по Цельсию. Данные вскрытия со всей ясностью доказывают важность обогрева головы и необходимость защищать шею, что должно быть учтено при разработке губчатого защитного комбинезона, которая ведется в настоящее время.

Максимальная продолжительность пребывания человека в ледяной воде составила 1–1,5 часа. Только два русских офицера, доставленных из лагеря для военнопленных, продержались почти пять часов!

Вторая часть эксперимента была посвящена отогреву замерзших. Для этого использовались совершенно разные способы. В частности, столь экзотические, как тепло обнаженных женских тел. Для этих опытов доставляли женщин из концентрационного лагеря Равенсбрюк. В конечном счете, однако, было установлено, что гораздо эффективнее обычная ванна с горячей водой.

Сколько тысяч человек уничтожил доктор Рашер в ходе своих экспериментов, подсчитать сложно. Его данные потом широко использовались странами-победителями, несмотря на официальное осуждение подобных методов. Сам же Рашер, как считается, не дожил до поражения Германии. В 1944 году он был отправлен в концлагерь, а вслед за ним туда же заточили и его жену. Следы Рашера после этого теряются.

Причиной этого, как считают многие историки, была его попытка обмануть Гиммлера. Рашер заявил, что сумел добиться успеха в воссоздании арийской расы – его жена родила с небольшим промежутком трех детей, которые с точки зрения расовой теории обладали

совершенными качествами. Рейхсфюрер СС пришел в восторг, но впоследствии оказалось, что дети попросту похищены из сиротских приютов. За это Гиммлер, преклонявшийся перед немецкими матерями, и бросил обманщиков в темницу, из которой не было выхода.

Нелогичность этой версии видна сразу. Прибегнуть к столь примитивному обману мог только законченный идиот, но никак не умный и образованный медик, каким являлся Рашер. Я решил проверить факты – и выяснилось, что у доктора действительно было несколько приемных детей. Но он никогда не скрывал, что усыновил их, взяв из сиротских приютов! Уничтожая тысячи «недочеловеков», Рашер был исключительно добр и милосерден к германским детям. Помешанный на арийской расе, он, естественно, отбирал себе пасынков и падчериц, в наибольшей степени соответствовавших расовым канонам.

Тогда что же стало причиной его заключения? Впрочем, кто говорит, что заключение действительно имело место? Судя по всему, неуклюжая версия была изобретена исключительно для того, чтобы замести следы. На самом же деле никакого заключения не было – Рашер, как и многие другие специалисты «Аненэрбе», эвакуировался в Антарктиду. Впрочем, рассказ сейчас не о нем.

Счастливое детство?

Итак, что мы имели в итоге? В Третьем управлении проводились какие-то эксперименты над людьми. Цель – создать идеальных солдат, боеспособность которых значительно повышается. Но проникнуть сквозь завесу секретности и детально выяснить, что это были за эксперименты, мне пока не удавалось. Зато я напал на след еще одного весьма интересного открытия. Оказывается, Третье управление курировало еще и знаменитую программу «Лебенсборн»!

Поясню для тех, кто не в курсе. Суть заключалась в том, что нацистские вожаки решили вывести «чистую расу» методом, что называется, направленной селекции. Девушка, подходившая под арийские стандарты, могла родить ребенка от такого же мужчины и затем отдать его на воспитание в специальный воспитательный дом. Кроме того, в оккупированных странах немцы отбирали подходящих по внешним признакам детей и тоже направляли их в эти воспитательные дома. Я знал, что программа «Лебенсборн» с 1942 года находилась в ведении института «Аненэрбе», но что она находилась в ведении Третьего управления Института расовых исследований, было для меня, честно говоря, совершенной новостью.

Известно, что через систему «Лебенсборн» прошло около 20 тысяч детей. Точнее установить нельзя – львиную долю документов по этому проекту эсэсовцы в конце войны уничтожили. Поэтому детям было ой как непросто установить своих настоящих родителей. У кого-то это получилось, у кого-то – нет, причем последних большинство.

После войны об этой программе писали в основном в издевательском ключе. Мол, вот дураки нацисты, хотели вырастить самых сильных и умных, а вырастили слабых тупиц. Этот тезис – воспитанники «Лебенсборн» были хуже своих сверстников – повторялся так часто, что заставил меня насторожиться. Действительно, по всем канонам дети, воспитанные эсэсовцами, должны были в плане физического и умственного развития как минимум не уступать своим сверстникам. По крайней мере, особых причин для их глупости и неразвитости не наблюдалось.

Я начал копать. Все действительно оказалось с точностью до наоборот. Значительная часть детей находилась вполне на уровне своих сверстников. Но у многих других были обнаружены отклонения, причем, что называется, в лучшую сторону. Кто-то был намного крепче физически, кто-то умнее – причем весьма существенно. Одним словом, эксперимент явно удавался. Именно поэтому победители, как заведенные, твердили о его провале.

Двинемся дальше – станет еще интереснее. Оказывается, именно у таких необычных детей практически никогда не удавалось найти отцов! Известно лишь три случая, когда личность отца была установлена. Во всех трех ими являлись офицеры СС. А теперь

попробуйте угадать, где они служили. Да-да, именно в специальных батальонах! Что же, получается, те изменения, которые вносились нацистскими медиками в организм отцов, передавались и детям? Но для этого требовалось вмешательство на генетическом уровне!

Могли ли нацисты при тогдашнем развитии науки сделать что-нибудь подобное? Думаю, вряд ли. Разумеется, полностью отрицать такую возможность было бы глупо, но я хочу снова опереться на косвенные данные. Да, у детей «Лебенсборна» были весьма неплохие способности – но каких-то сверхчеловеческих качеств за ними не замечалось. Отклонения в лучшую сторону, о которых я говорил, находят вполне обыденное объяснение. Ведь для реализации программы выбирали молодых, физически и психически здоровых молодых людей. А это уже само по себе обеспечивало неплохие условия для развития ребенка. Или все же я ошибаюсь, и нацистским медикам были известны какие-то неведомые современной науке секреты? Если и так, мы, скорее всего, вряд ли узнаем об этом…

При чем же тут уран?

Действительно, вся обнаруженная мной информация о Третьем управлении была в высшей степени интересной, но ни на йоту не приближала меня к решению главной загадки. Зачем Шефферу и его медикам нужен был уран? Чего они пытались добиться с помощью радиоактивности?

Очевидно, каким-то образом повлиять на человеческий организм. Вопрос в том, как именно. Из документов, которые мне удалось добыть непосредственно о деятельности Третьего управления, понять это было невозможно. Оставалось, как всегда, искать косвенные улики. И найти их оказалось проще, чем можно подумать на первый взгляд.

Эсэсовские врачи не могли основывать свои эксперименты на пустом месте. Тибетские мудрецы тоже не могли передать им никаких рецептов, связанных с радиацией. Значит, нужно было искать ответ в официальной медицине, то есть мне предстояли очередные вахты в государственной библиотеке.

К счастью, в 30-е годы немецкие научные журналы приходили в Аргентину с завидным постоянством – немецкая медицина считалась передовой в мире, и толстые подшивки семидесятилетней давности лежат во всех крупных библиотеках Буэнос-Айреса. На улице страшная жара, все уважающие себя люди, свободные от работы, купаются в океане или отдыхают в тени, и только один неутомимый немец в светлой рубашке листает в душном зале библиотеки «Ежеквартальный журнал по медицинской науке»…

И не зря, между прочим, листает. Во втором квартале 1938 года журнал опубликовал пространную статью доктора Ханса Альтхоффа из Берлинского университета, называвшуюся «Радиация и человеческий организм». В общем-то она настолько интересна, что здесь стоило бы привести ее целиком. Но я не буду утомлять читателя и ограничусь только теми выводами, которые сделал Альтхофф.

Радиация – новое явление, влияние которого на человека еще до конца не изучено. Пока мы не можем сказать, насколько благотворным оно может быть, но не подлежит никакому сомнению, что, взаимодействуя с источником радиации, человек получает дополнительные силы. Не исключено, что воздействие радиации станет абсолютно новым словом в мировой медицинской науке и практике, таким же, каким в свое время стали вакцинация и антибиотики. Ведь радиация способна убивать многие болезнетворные организмы, способствуя, таким образом, оздоровлению человеческого тела.

Но этим ее значение не ограничивается. Как показывает опыт, сильное и направленное радиационное излучение способно трансформировать человеческий организм. Мы пока знаем слишком мало об этом интереснейшем явлении, но уже сегодня можем оценить открывающиеся перед нами возможности, от которых по-настоящему захватывает дух. Как часто жалуемся мы на несовершенство человеческого организма, который во многом устроен не так, как нам хотелось бы! Благодаря радиации этим стенаниям скоро придет конец. Уверен,

что уже в ближайшем будущем медики создадут приборы, которые смогут исправлять дефекты нашего тела. Они возьмут на себя труд самого Господа Бога, создавая новую, лучшую расу людей. Возможно, при помощи радиации удастся предотвратить и старость, и даже саму смерть! От такой перспективы голова идет кругом.

Действительно, голова у Альтхоффа, похоже, серьезно пошла кругом. Впрочем, кое в чем мы можем с ним согласиться – в том, что касается стонов по поводу несовершенства человеческого. Действительно, радиация могла бы разом прекратить все эти стоны, если бы русские и янки однажды пустили в ход свои ядерные ракеты.

Впрочем, довольно черного юмора. Таких энтузиастов, как Альтхофф, в Германии было немало. И естественно, что со стороны государства им уделялось весьма пристальное внимание. Во-первых, их разработки прекрасно соответствовали идеям Гитлера о воссоздании «чистой» арийской расы. Ведь если раньше осуществить этот процесс планировали методом полового отбора, то есть в течение нескольких поколений, то теперь, получается, немецкий народ можно было радикально улучшить буквально за пару лет – просто облучив каждого соответствующим образом! Во-вторых, исследованиями Альтхоффа заинтересовалась армия и войска СС – ведь с помощью его методик можно было получить идеальных, непобедимых солдат.

Мне удалось достаточно подробно – насколько это было вообще возможно – изучить биографию Ханса Альтхоффа. Родился он в 1889 году и закончил медицинский факультет университета в Геттингене. В годы Первой мировой войны работал врачом в полевом госпитале, по окончании открыл частную медицинскую практику. Дела шли не очень хорошо – зато оставалась масса свободного времени, которое молодой врач тратил на изучение увлекшей его физики. В 1920 году Альтхофф поступает на физический факультет Берлинского университета, который с блеском заканчивает экстерном два года спустя. Исследования на грани физики и медицины были в те времена чем-то совершенно новым и необычным, и молодой ученый быстро завоевал признание своих коллег. К моменту прихода Гитлера к власти Альтхофф был уже весьма известным и авторитетным специалистом.

С 1933 года карьера Альтхоффа стремительно идет вверх. Он начинает сотрудничать с институтом «Аненэрбе», пока еще не надевая эсэсовский мундир. Судя по всему, именно с его помощью осуществлялся кадровый отбор для медицинских программ института. Альтхофф работал своеобразным вербовщиком, вращаясь в медицинских научных кругах и уговаривая особо талантливых представителей поработать под черным крылом Гиммлера. Многие, кстати, соглашались, причем абсолютно добровольно.

Поэтому в 1939 году, когда Альтхофф пришел в Третье управление, он смог сразу же собрать вокруг себя команду единомышленников. Под началом Шеффера вообще трудилось, как выяснилось, немало ученых с мировым именем, многие из которых после войны категорически отрицали любые контакты с СС, а некоторые даже объявили себя узниками лагерей! В Третьем управлении Альтхофф трудился до 1942 года, пока не перешел в какое-то другое подразделение.

Чем он занимался в «Аненэрбе»? Очевидно, своими любимыми экспериментами – влиянием радиации на людей. Мне страшно подумать, какие нечеловеческие опыты он ставил на узниках концлагеря. Видимо, никакой практической пользы от его занятий не было – иначе его не перебросили бы на новое направление.

Чем же занимался Альтхофф последние три года войны, до своей эвакуации в Антарктиду? О, об этом стоит рассказать поподробнее – ведь мне удалось приоткрыть завесу тайны над одним из самых поразительных проектов Третьего рейха…

Глава 5. ПРОЕКТ «ТОР»

Абсолютное подчинение

Честно говоря, меня всегда удивляла та власть над умами немцев, которой обладали Гитлер и его клика. Понятно, когда фюрер пользовался абсолютной популярностью на пике своего успеха. Вполне естественно, что, пока Германия одерживала победы, немцы радостно благословляли своего предводителя. Но что заставляло их терпеть его в сорок третьем, после Сталинграда? Сплотиться вокруг него в сорок четвертом, когда бомбардировщики западных союзников равняли с землей немецкие города, а на Восточном фронте гибли и попадали в плен сотни тысяч солдат? Фанатично сражаться в сорок пятом, когда русские танки неудержимо рвались к Берлину?

Обычно историки дают этому феномену несколько объяснений. Самое распространенное – это демоническое обаяние фюрера, который задурил голову несчастным немцам, а также дьявольски совершенная машина пропаганды, созданная Геббельсом. На первый взгляд все соответствует действительности – пропаганда работала на полную катушку, и фюрер надрывал голос, выступая перед нацией. Но давайте сравним две, казалось бы, несравнимые даты – сентябрь 1939 и сентябрь 1944 года.

В обоих случаях пропаганда работала на полную катушку. А вот ситуация была совершенно разной. В тридцать девятом немцам противостояли достаточно слабые противники, а позади была череда бескровных побед – присоединение Австрии и Чехии. В общем, имелись все основания для оптимизма. В сорок четвертом даже ежику, кажется, должно было быть ясно, что страна катится к поражению. На Восточном фронте одно поражение следовало за другим, на Западе союзники высадились в Нормандии, небо над рейхом бороздили английские и американские самолеты. Одним словом, куда ни глянь, оснований для оптимизма нет – разве что очень глубоко зарыть голову в землю. И настроение людей было совершенно другим…

Но совсем не в ту сторону, в какую вы подумали. В тридцать девятом на Германию черной вуалью опустилось уныние. Все заранее опасались поражения, и никакие зажигательные речи фюрера ситуацию исправить не могли. Даже солдаты на фронте воевали не лучшим образом – по воспоминаниям Гальдера, возглавлявшего германский генеральный штаб, на фронте имели место случаи паники. Это в Польше, где шло активное наступление. На западе немецкие солдаты играли с французскими в футбол и чуть не братались с ними.

В сорок четвертом ситуация была иной. Немцев били везде, но они только крепчали. Никакого уныния, никакой подавленности. Пропаганда становилась все более грубой и незамысловатой, но ей верили. Солдаты на фронте сражались отчаянно, несмотря на постоянное отступление, в тылу гражданские работали все больше и лучше. Странно, не правда ли? Одной пропагандой это не объяснишь, да и не работает пропаганда, если на голову тебе падают вражеские бомбы.

Еще версии? Говорят о том, что немцы сражались с отчаянием от безысходности, думая, что в случае поражения их всех уничтожат. Честно говоря, звучит не очень убедительно. Во-первых, если солдаты не верят в победу, их моральный дух низок, а у немцев он был высок. Во-вторых, независимые исследования даже в апреле 1945 года, буквально накануне краха, демонстрировали, что больше половины немцев все еще верят в конечную победу своей страны. Это уже не лезло вообще ни в какие ворота. К тому же, как показывает практика, солдаты часто сдаются в плен даже зная, что там их ждет неизбежная гибель. Такова человеческая психология – надежда умирает последней. Так римские легионеры сдавались германцам после разгрома в Тевтобургском лесу, прекрасно зная, что впереди их ждет мучительная смерть.

Американцы любят утверждать, что немцы фанатично сражались, потому что боялись прихода русских. Бояться-то они боялись, только вот каждый день сопротивления давал русским все больше шансов захватить Германию. Немцы оказывали достаточно упорное сопротивление и на Западном фронте, что было с точки зрения этой версии совершенно нелогично – ведь чем быстрее американцы и англичане придут в Германию, тем меньше

шансов будет успеть туда у русских. Так что это объяснение тоже не выдерживает никакой критики.

Если изучать немецкие документы той поры, создается впечатление, что большинство граждан той поры превратилось в послушных зомби, идущих вслед за фюрером. Никто не пытался оказать сопротивления, восстать против диктатора. Небольшая группка офицеров, совершивших покушение на Гитлера в июле 1944 года, была осуждена большинством населения.

Что же происходило? Найти ответ на этот вопрос мне снова помогла карьера доктора Альтхоффа.

Маур и Виллигуты

Итак, с 1942 года Ханс Альтхофф больше не работал в Третьем управлении Института расовых исследований. Почему? Он закончил свою работу – или, наоборот, потерпел полную неудачу? Скорее всего, ни то и ни другое. Просто специалист его уровня потребовался в другом месте.

Альтхоффа перевели в Институт физики сознания – еще одну крайне засекреченную организацию, работавшую в рамках «Аненэрбе». Институт был сформирован на скорую руку и должен быть разработать оружие совершенно нового поколения – психофизическое. Гиммлер поставил перед институтом задачу построить нечто способное не убивать людей, а всего лишь контролировать их сознание. В одной из своих бесед он описал проект следующим образом:

В руках фюрера должно оказаться средство, способное контролировать сознание любого количества людей. Он должен быть в состоянии внушать свою волю как отдельному человеку, так и целым массам, целым народам. Эти массы, эти народы должны беспрекословно выполнять волю фюрера.

Эти слова были сказаны в начале 1941 года, а несколько месяцев спустя свежесформированный институт уже приступил к работе. Чем он занимался?

О разработках психофизического оружия в Третьем рейхе известно крайне мало. В первую очередь, потому, что разработки ученых из «Аненэрбе» были впоследствии захвачены победителями и стали уже их секретным оружием. Мне лишь по чистой случайности удалось выйти на след проекта, который в недрах института получил кодовое название «Тор», в честь одного из древних германских богов. И по сегодняшний день мои знания о нем грешат множеством «черных дыр».

Задача психофизического оружия – обеспечить его обладателям власть над сознанием людей. Впервые о подобных разработках стало известно после того, как в Швейцарии в 1959 году вышла небольшим тиражом книжка под названием «Молот Тора». К ней можно было бы отнестись как к банальной «желтухе», если бы не два обстоятельства. Во-первых, автором книжки был Вильгельм Альпенталь – ассистент известного физика, одного из ведущих сотрудников «Аненэрба», Карла Маура, возглавлявшего Институт физики сознания. Во-вторых, сразу же после появления книги на прилавках почти весь тираж был скуплен неизвестными, а сам автор месяц спустя утонул в Женевском озере при довольно загадочных обстоятельствах. До наших дней случайно дожило лишь несколько экземпляров издания, один из которых и попал мне в руки.

Итак, что же писал Альпенталь? По его словам, в недрах «Наследия предков» было создано оружие, дающее власть над людьми. При этом якобы были использованы некие знания неземного происхождения.

Речь идет о наследстве рода Виллигутов. Один из последних представителей этого древнего клана, родившийся в 1866 году в Вене Карл Мария Виллигут, считается одним из духовных предтеч Гитлера. Род Виллигутов считался проклятым, в Средние века он был отлучен от Церкви. Карл Мария утверждал, что является наследником древней линии

германских королей, подробно рассказывал об обычаях и религии древних германцев. История древних германцев – говорил Виллигут – началась более 200 тысяч лет назад. Тогда на небе было три солнца, а по земле бродили гиганты и карлики, гномы и эльфы – словом, все существа, которых мы знаем по древним германским сказаниям. Свой собственный род Виллигут скромно делал гораздо менее древним – его история началась якобы всего лишь около восемьдесят тысяч лет назад, когда был основан город Гоцлар. Именно предки Виллигута создали двенадцать с половиной тысяч лет назад ирминистическую религию, свет которой объединил всех германцев. Она процветала три тысячи лет, пока не появились конкуренты-еретики, поклонявшиеся Вотану. С этого момента начинается борьба вотанистов с ирминистами, борьба, которая истощила обе стороны и сделала их легкой добычей для пришельцев с востока. Род Виллигутов постепенно терял свои позиции, лишившись королевского трона. Его представители стали маркграфами в Австрии, затем лишились и этих владений. Начались столетия скитаний по землям Восточной Европы – в 1242 году Виллигуты основали город Вильну (современный Вильнюс) и создали готскую империю – просуществовавшую, однако, не слишком долго.

Естественно, Виллигуту не удалось долго проповедовать сей бред, и в 1924 году его посадили в психиатрическую лечебницу. Здесь его квалифицируют как психически больного, поставив диагноз шизофрении с мегаломанией и параноидальными расстройствами, и держат в течение трех долгих лет. В общем, мы могли бы вообще не упоминать о его деятельности, если бы не одно любопытное обстоятельство: поклонником Виллигута являлся сам Гиммлер. Рейхсфюрер СС вытащил старика из психушки и назначил главой отделения древней истории института «Аненэрбе». Возможно, этому способствовал один интересный факт из истории семьи Виллигутов: прокляли их за хранение магических табличек, на которых были записаны языческие ритуалы. По дошедшим до нас легендам, эти ритуалы позволяли обрести огромную власть над умами людей. Виллигут хранил эти таблички в тайнике, о котором никто не знал, кроме него. Но только до 1941 года; далее он, уступив уговорам Гиммлера, передал их в распоряжение института.

Однажды фотокопии табличек попались на глаза Мауру. Тот вгляделся – и ахнул; таблички представляли собой не что иное, как сложнейшие схемы и формулы, описывавшие ранее неизвестные явления. При этом лишь около половины из них находилась на уровне современной физики; остальные, очевидно, были пока еще недоступны пониманию современных ученых.

Именно на основе текстов этих табличек были созданы так называемые психофизические аппараты. Сперва ученым пришлось немало повозиться, чтобы расшифровать рунические символы. Но потом дело пошло быстрее. Принцип работы аппаратов основывался на использовании так называемых «торсионных полей», состоящих из множества элементарных частиц, образующих вихревые потоки. Торсионные поля напрямую воздействовали на гипофиз и находящиеся в нем нервные центры, контролирующие волю человека.

Разумеется, мне, человеку рационально мыслящему, было трудно поверить в это. Однако документы, которые потихоньку накапливались в моем личном архиве, подтверждали правдивость этой истории. Впрочем, не исключу, что глубокий смысл табличек является не более чем легендой. А вот в существовании психофизических (или, как их еще иногда называли в стенах «Наследия предков», техномагических) аппаратов сомневаться не приходится.

Проект получил название «Тор». Его испытание проводилось на заключенных из все того же «подсобного» концлагеря института. Огромный прибор, размером с коттедж, был тщательно замаскирован под уютный усадебный домик, и мало кто смог бы догадаться о его истинном предназначении. В 1944 году сотрудники Маура приступили к опытам с людьми.

Двигаться приходилось методом «проб и ошибок». Дело в том, что механизмы воздействия прибора на человеческий организм еще предстояло изучить.

Для ускорения работы Маур связался с профессором Хиртом из Страсбургского имперского университета. Хирт был известен как одно из «светил» расовой науки, коллекционер черепов и скелетов людей различных рас. Целью его жизни было доказать существование кардинальных биологических различий между представителями различных рас, которые позволили бы отнести их к разным видам и, таким образом, довести расовую доктрину нацистов до совершенства. Маур попросил Хирта исследовать попутно гипофиз у поступавших к нему трупов, в частности, обратить внимание на так называемые «кристаллы воли». Хирт с энтузиазмом принялся за дело.

Тем временем Маур со своей командой продолжал натурные эксперименты. У него уже получалось полностью подавить волю человека, так, что тот не мог совершать какие-либо движения. Особо чувствительные даже лишались при этом сознания. Понемногу получалось и заставлять людей выполнять какие-то простейшие действия. Однако на то, чтобы изучить все эффекты торсионного поля и создать мало-мальски работоспособный техномагический аппарат, требовалось время. Маур называл срок в 10 лет, после чего можно будет ставить психофизические системы на вооружение. Но у него не было даже года.

В своей книге «Аненэрбе» я написал, что Маур в конечном счете потерпел поражение и не смог создать эффективный аппарат. На самом деле я заблуждался; это не совсем так. Прошло совсем немного времени, и мне удалось найти доказательства того, что определенных результатов добиться все-таки удалось…

Взорванный прибор и странные мачты

В январе 1945 года русские совершили стремительный бросок на запад – от Вислы к Одеру. Это был один из тех мощных ударов, которые прикончили и без того расшатанное здание Третьего рейха. Продвижение танковых колонн было столь стремительным, что в руки русских попадали аэродромы со спокойно стоящими самолетами, склады, мосты… Танки с красными звездами часто оказывались в глубоком тылу немецких войск, перерезая коммуникации и давя гусеницами любое мало-мальски значительное сопротивление.

Однако нельзя сказать, что немецкие солдаты складывали оружие без боя. Наоборот, сопротивлялись они отчаянно, однако порой им просто не хватало выучки. К примеру, 408-я народно-гренадерская дивизия, сформированная из ополченцев, фанатично удерживала небольшой городок Альтштадт – хотя и до вполне определенного момента. Командир русского 4-го гвардейского механизированного корпуса, который атаковал эту дивизию, вспоминал впоследствии:

В районе Альтштадта мы столкнулись с весьма серьезным сопротивлением противника. Хотя перед нами были только пенсионеры и школьники, сражались они до последней капли крови. Чтобы избежать собственных потерь, нам приходилось продвигаться вперед аккуратно и медленно. Тем не менее части корпуса все же оттесняли противника к окраинам городка.

К северу от Альтштадта находилась роща, которую враг оборонял с особым упорством. Причины были нам неясны. Помимо ополченцев, здесь сражались еще и воины СС, которые сражались еще фанатичнее. Обойти рощу не было возможности, потому что тем самым наступающие части подставили бы врагу свои фланги.

Когда первые танки ворвались на опушку рощи, в глубине ее раздались несколько сильных взрывов. Складывалось впечатление, что противник взорвал какой-то важный склад. После этого, как по мановению палочки, ситуация изменилась: фашисты начали в массовом порядке складывать оружие. Уже через сорок минут мы прошли Альтштадт, захватив большое количество пленных. На лицах немцев были написаны испуг и растерянность.

В роще мы обнаружили остатки какого-то небольшого сооружения. Немцы взорвали его основательно, поэтому понять, что это такое, было невозможно. Руины небольшого здания

были на приличном расстоянии окружены несколькими рядами колючей проволоки, стояли караульные вышки. Явно не склад, тогда что же? Радиолокационная система? Командный пункт?

Русские танки двинулись дальше на запад, а к странному объекту прибыли представители из Москвы. Им тоже не удалось установить назначение загадочного прибора. Опросы местных жителей показали, что объект был построен людьми в форме СС чуть больше года назад. Тогда же в окрестностях городка были построены высокие антенны-мачты с ретрансляторами.

Такие же антенны, впрочем, покрывали всю Германию. На них никто особо не обращал внимания, потому что в целом они были идентичны ретрансляторам радиосигналов. Однако странно было то, что сеть их была куда гуще, чем это требовалось для обеспечения надежной радиосвязи. Сами немцы объясняли потом наличие большого числа антенн потребностями системы противовоздушной обороны – детский лепет, не выдерживающий ни малейшей критики.

Объекты, аналогичные тому, который обнаружили русские, были найдены по всей Германии – всего около дюжины. Все они были взорваны, ни один из них не был захвачен в исправном состоянии. При этом классифицировать объекты никак не удавалось – даже по руинам было ясно, что они не похожи ни на один существующий тип военных объектов. В США образовали специальную комиссию, которая исследовала странные руины. Комиссия работала два года в условиях высокой секретности и по истечении этого времени написала в своем отчете:

Нам не удалось с высокой степенью достоверности установить, идет ли речь о радарах особого, неизвестного пока типа, или о каких-то иных приборах. Мнения ученых, входивших в состав комиссии, разделились. В наше распоряжение попало слишком мало фрагментов для полноценного изучения. Однако были установлены весьма странные факты – прямая связь существования объектов с ожесточенностью германского сопротивления в конкретном районе. Так, разгром группировки вермахта в Руре состоялся после того, как соответствующий объект в данном районе был поврежден авиабомбой. В Западной Чехии, где объект сохранялся дольше всего, германское сопротивление продолжалось и после капитуляции рейха. Эти странные явления позволяют говорить о том, что изучаемые объекты каким-то образом воздействовали на боевой дух германских частей и гражданского населения.

В общем-то, если вспомнить разработки в рамках проекта «Тор», все это не такая фантастика, как может показаться на первый взгляд. Но тогда информация, оказавшаяся у меня, ложная? Немцы все-таки успели соорудить свое психофизическое оружие?

Два проекта

Своими силами я обходиться больше не мог и написал письмо известному аргентинскому физику, специализирующемуся на излучении различных типов. Через несколько дней я получил ответ.

Дорогой сеньор Кранц! Это может показаться фантастикой, но различные волны действительно могут воздействовать на сознание человека. Это научный факт, подтвержденный многочисленными опытами. Разумеется, речь не идет о полном контроле над мозгом – до этого уровня наука пока не поднялась и, даст Бог, не поднимется никогда. Но уже сейчас мы можем по своему желанию вызывать у человека страх, подавленность или, наоборот, эйфорию и душевный подъем.

Это вполне могло быть разгадкой. Немецкие физики, значительно опережавшие уровень развития мировой науки, совершили быстрый и неожиданный прорыв в одном из направлений – теории волн. И, хотя проект «Тор» в общем и целом не удался, у него вполне мог быть «младший брат» – прибор с менее амбициозными задачами, но быстрее воплощаемый в реальность. Я не знаю, как он назывался – «Тор-2» или, может быть,

«Один». Но теперь я уверен, что он действительно существовал. Уверенности мне добавлял и тот факт, что в рамках Института физики сознания существовала не одна, а несколько рабочих групп, которые, очевидно, трудились над разными проектами.

Как это все могло выглядеть? В 1941 году институт Маура был основан и сразу приступил к работе, опираясь на какие-то уже достигнутые результаты. Что это были за результаты и кто их достиг – я не знаю. Прошерстив все довоенные журналы по физике, я не нашел там ни единого упоминания торсионных полей. Очевидно, проект с самого начала был весьма секретным. Либо – тоже вариант – нацистские ученые получили исходные данные откуда-то извне, хотя бы с тех же загадочных табличек. В это слабо верится, но за неимением лучшего приходится принимать и такой вариант.

Проект «Тор» продвигался вперед, но достаточно медленно. Было ясно, что для его реализации потребуется не один и не два года, а десятки лет. В то же время положение на фронтах стремительно ухудшалось, и результат требовался уже сейчас. Поэтому где-то в конце 1942 года в рамках Института физики сознания была выделена группа ученых, которая начала лихорадочную работу над простейшим (разумеется, относительно первоначального замысла) аппаратом, способным изменять настроение людей. Постепенно в этот второй проект перекачивалось все больше ресурсов, и «Тор» в 1944 году продолжался скорее номинально. Маур бесился, но ничего не мог поделать; Гиммлер взял создание психофизического оружия под свой контроль.

В итоге уже к началу 1944 года появились первые действующие модели излучателей, способных влиять на сознание людей. Они были настроены на одну волну – боевой дух, фанатизм, воля к победе. Всего по стране было установлено около полутора десятков таких объектов и множество мачт-ретрансляторов. С этого момента начавшее было падать настроение немцев снова поднялось, геббельсовская пропаганда опять находила миллионы благодарных слушателей.

Разумеется, не на всех действовали эти чудо-приборы. Очевидно, психофизическое оружие могло лишь усиливать существующие настроения, а не создавать их. То есть, если человек хотел верить в победу – оно давало ему такую веру. Но если человек в победу не верил, более того, ненавидел Гитлера и нацистов, то оно было бессильно. Именно поэтому «установки Маура» никак не влияли на сознание коммунистов-подпольщиков и заговорщиков в среде высшего офицерства.

При приближении врагов установки взрывались. Это было чревато последствиями – моральный дух войск и населения падал, оборона разваливалась – но иного пути не было. Нацистские вожаки не могли допустить попадания принципиально нового оружия в руки противника. Его последние образцы были, очевидно, эвакуированы в Антарктиду, где с успехом применялись. Недаром вплоть до наших дней не существует перебежчиков из Новой Швабии, а многие полярные исследователи, пытавшиеся проникнуть в тайны Ледового континента, поворачивали назад по непонятным причинам – подавленность, усталость, разочарование, психологические срывы…

До какого-то момента я не был уверен в правильности своих выводов. Действительно, неужели германским физикам удалось настолько обогнать мировую науку, что ученые всех стран до сих пор не смогли создать ничего подобного? И только потом я понял, что на самом деле это не так. Психофизические установки существуют, просто их наличие, естественно, не афишируется.

Разработки в данной сфере вели (и продолжают вести) все крупнейшие мировые державы. На первом месте среди них находятся Соединенные Штаты Америки. Судя по доступным мне источникам, янки обладают психофизическим оружием как минимум с начала 1980-х годов. Именно с получением первых установок вроде германских связан новый виток «Холодной войны» при президенте Рейгане и даже само избрание этого президента.

Действительно, Рональд Рейган не отличался ни выдающимся умом, ни какими-либо другими дарованиями. Единственный, кто был бы в восторге от его избрания – это воротилы военно-промышленного комплекса. Того самого, в недрах которого и создавалось американское психофизическое оружие. Ведь стань Рейган – сторонник жесткой конфронтации – президентом, и «торговцев смертью» осенит золотой дождь выгодных заказов.

И вот в 1980 году американцы совершенно необъяснимым образом выбирают Рейгана в президенты. А потом еще раз в 1984-м, несмотря на очевидный провал и полный авантюризм его политики – нарастающие экономические трудности в стране, балансирование на грани ядерного конфликта в международной политике… Причем большинство американцев не могли рационально объяснить свою позицию. Ясное дело, без воздействия на психику здесь не обошлось.

Попробовали на своих – надо испытать на врагах. Ходят упорные слухи, что крах коммунистической России не обошелся без американского психофизического оружия, которое вызывало у русских подавленность и одновременно недовольство. Но точно подтвердить или опровергнуть это я не могу. Зато мне известно, что психофизическое оружие широко использовалось американцами в последующих локальных войнах – например, против Ирака. Быстрая победа янки в этой стране в 2003 году объясняется, в сущности, ничем иным как воздействием мощных излучателей, которые вызывали у иракских солдат все мыслимые и немыслимые отрицательные эмоции – страх, подавленность, тоску…

Естественно, установить свои объекты на территории противника было невозможно. Поэтому с начала 1990-х годов в распоряжении ЦРУ (которое и распоряжается психофизическим оружием) находится отдельная сверхсекретная эскадра кораблей и несколько эскадрилий тяжелых самолетов. При этом, как утверждает автор одной нашумевшей книги,[1] на кораблях установлены непосредственно сами излучатели, а самолеты играют роль ретрансляторов. В конце 2002 года это сверхсекретное подразделение было вместе с основной группировкой американских войск переброшено в Персидский залив. В дальнейшем иракцам удалось сбить один из круживших над их территорией самолетов-передатчиков, и его обломки до капитуляции Ирака сумели исследовать русские.

Кстати, насчет русских. Как мне удалось узнать, Советский Союз еще в 1975 году предлагал США заключить конвенцию о полном запрете психофизического оружия. Однако американцы отказались. Это – еще один аргумент в пользу того, что подобное оружие – реальность, а не вымысел.

Опирались ли американцы в своих разработках на опыт ученых «Аненэрбе»? Ответить на этот вопрос чрезвычайно трудно. Да и вообще, все это – тема уже другого рассказа. Рассказа о том, как нацистские проекты продолжали жить в послевоенном мире.

Глава 6. НАСЛЕДНИКИ

Рукописи не горят

9 мая 1945 года Третий рейх прекратил свое существование на нашей голубой планете. Он ушел в прошлое – как казалось большинству населения этой самой планеты, навсегда. Но после него осталось весьма богатое наследство, в том числе и такое, о котором мало кто подозревает.

Ведь все созданное в Германии в эпоху нацизма не кануло в вечность. Оно досталось новым, самым разным хозяевам. И те смогли по достоинству распорядиться своими приобретениями.

Взять, хотя бы, американцев. Первое, что они смогли получить – это три атомные бомбы. Одну грохнули в пустыне Невада, чтобы посмотреть, как она работает. Посмотрели – выглядело здорово. Теперь нужно было придумать, как получше использовать оставшиеся две.

В общем-то в данный момент они были не особо и нужны. Германия разгромлена, Япония на волосок от полного поражения. Через месяц-другой вступит в войну Советский Союз, тогда маленькой, но гордой стране Восходящего солнца точно кранты. Смысла применять против нее новое супероружие никакого.

В то же время две бомбы – это еще не ядерный арсенал. А настоящий арсенал будет нескоро. Пугать ими Сталина… Что ж, Черчилль и Трумэн попробовали это сделать в Потсдаме. В перерыве между заседаниями конференции подошли к русскому диктатору и радостно сообщили о том, что провели испытания оружия гигантской разрушительной силы. Сталин не испугался, в связи с чем британский премьер и американский президент очень расстроились. И решили напугать его другим способом.

Надо было продемонстрировать мощь нового оружия янки всему миру. Объект для демонстрации имелся только один, зато прекрасно подходящий, – Япония. Теперь вопрос – куда сбрасывать бомбу? На военные базы? Нет смысла, они хорошо укреплены, и должного эффекта не будет. Ну, погибнет пара сотен человек, и что? От обычной бомбежки потери больше. А вот крупный город… это совсем другое дело.

В отличие от привычных большинству европейских и американских каменных джунглей, японские города были в буквальном смысле слова бумажными. Основной строительный материал – бамбуковые палки и циновки. Вспыхивали такие дома мгновенно, огонь в считанные минуты охватывал целые кварталы, при этом гибла куча народу. За время своего существования Япония потеряла в пожарах в несколько раз больше людей, чем в войнах. Поэтому лучшей цели, чем японский город, для атомной бомбы в мире просто не существовало.

И американцы 6 и 9 августа сбрасывают две бомбы на Хиросиму и Нагасаки. Гибнут сотни тысяч человек (потери уточняются до сих пор). Мол, смотрите, русские, что будет в случае чего с вашими Ленинградом и Москвой. И… никто не пугается! Японское командование сохраняет спокойствие – армия и флот не пострадали, а на гражданское население ему плевать. Сталин сохраняет спокойствие – он-то по своим каналам знает, что больше атомных бомб у американцев сейчас нет и в ближайшее время они не появятся. Кроме того, ему тоже перепало кое-что из атомного наследства Третьего рейха…

Далеко не все ученые, задействованные в атомном проекте, уплыли в Антарктиду или попали в Штаты. Конечно же, ключевые фигуры оказались именно там, но кое-кто попал и к русским. Ряд физиков-атомщиков встретили конец войны в окруженном советскими войсками Берлине и, соответственно, после окончания войны отправились специальным эшелоном на восток. Русские в это время сами активно разрабатывали собственную бомбу, и любая помощь со стороны была им весьма и весьма кстати. Немецких ученых поместили в специальную лабораторию, выдавали усиленное питание и обращались в принципе очень хорошо. Свобода передвижения, естественно, была ограничена, но это оказалось как нельзя кстати, потому что вскоре произошел весьма неприятный случай…

Американская разведка вовсе не собиралась отдавать без боя ученых, поскольку в атомном проекте янки тоже каждый человек был на счету. Она предприняла дерзкую попытку выкрасть немцев. Доктор Дибнер, руководитель лаборатории, так описывал это в своих воспоминаниях.

Однажды я вышел прогуляться в город – в принципе, нам это позволялось. К этому моменту я уже худо-бедно овладел русским языком и при случае мог объясниться. Я не спеша прогуливался по улицам, наслаждаясь после суровой зимы весенним цветением. Внезапно человек, сидевший на парковой скамейке, встал и подошел ко мне. Он представился как сотрудник одной заинтересованной компании, которая хочет вывезти нас всех – или, по крайней мере, меня – на родину. Мы коротко поговорили и условились о новой встрече; я объяснил ему, что хочу посоветоваться с коллегами.

По дороге в лабораторию меня одолевали противоречивые мысли. С одной стороны, мне хотелось домой. С другой, это все могло оказаться провокацией русских. Хотя зачем им меня провоцировать? Впрочем, даже если человек, с которым я беседовал, говорил правду, это не устраняло угрозы нашей гибели. С момента, когда мы станем беглецами, мы окажемся вне закона. Я сильно сомневался в том, что нам придется уйти от русских живыми.

А если все же уйдем, то куда? В руины и голод? Нет уж, лучше не соглашаться на столь опасное предложение. Естественно, по возвращении в лабораторию я все рассказал сотруднику русской госбезопасности. Он поблагодарил меня, и с тех пор в каждой прогулке нас на почтительном расстоянии сопровождал охранник в штатском.

Мы некоторое время поворчали по этому поводу, но когда неделю спустя Клауса чуть не убили (пуля прострелила рукав его пальто, лишь оцарапав руку; от верной гибели его спасло то, что он резко обернулся прямо в момент выстрела. Подбежавший охранник оказался как нельзя кстати. После этого я знал, что сделал правильный выбор: нас хотели не спасти, а уничтожить.

Проведенное русскими расследование показало, что за всей этой историей стояли американские спецслужбы. В дальнейшем об охране немцев заботились более тщательно – впрочем, германские физики не сыграли первой скрипки в советской ядерной программе. Русские создали бомбу своими силами к 1949 году. Напомню, американцам, которым нужно было всего лишь скопировать немецкие образцы, удалось это сделать только в сорок седьмом.

И то неизвестно – может, не без помощи извне?

Союз с Антарктидой

Эвакуация нацистов в Антарктиду была полной тайной только для множества непосвященных. Немногие посвященные, в том числе и в США, если не знали точно, то, по крайней мере, подозревали нечто нехорошее. Иначе они не отправили бы к берегам Антарктики в конце 1946 года эскадру из 14 боевых кораблей под командованием адмирала Берда – знаменитого полярного исследователя. Об этой экспедиции я уже подробно рассказывал в своей книге «Свастика во льдах». Сейчас лишь коротко остановлюсь на самых важных для нас моментах.

В январе 1947-го корабли Берда подошли к берегам земли Мэри Бэрд. Началось тщательное исследование прибрежных районов. Самолеты вылетали на разведку и фотографирование местности ежедневно – всего за полтора месяца работ было сделано свыше пятидесяти тысяч снимков, составлены подробные географические карты района.

Надо сказать, что американцев ждали, и ждали отнюдь не с распростертыми объятиями. Разведка немцев отработала отлично. У них было одно очень важное преимущество: адмирал Берд не представлял себе, с какой внушительной силой ему придется столкнуться. Эскадра в 14 кораблей против полутора сотен подводных лодок, авианосца и трехсот боевых самолетов – это все равно, что дробина против слона. И все же тогдашнему руководителю колонии Гессу очень не хотелось, чтобы базу нашли. Потому что он прекрасно понимал: США ничего не стоит выставить против новой Швабии флот в тридцать авианосцев и сосредоточить пять тысяч самолетов. А в этом случае крах четвертого рейха становился неизбежным.

Меры по маскировке объектов были приняты. Над наземными базами натянули белые полотнища либо просто уложили толстый снега. И начали ждать. Впрочем, ждать пришлось недолго. Уже в середине января американское соединение было обнаружено на подходах к Антарктиде. С тез пор за ним непрерывно следили, оставаясь на почтительном расстоянии, новейшие подводные лодки, которые американцы обнаружить не могли.

Все было спокойно до 15 февраля. В этот день американский пилот, пролетавший в районе базы «Новая Германия», обнаружил-таки один из наземных объектов немцев. Гесс отреагировал жестко и решительно. Высаженный десант был уничтожен или взят в плен. Еще

до того, как американцы на кораблях поняли, что творится нечто ненормальное, в частоты связи эскадры вклинился неизвестный передатчик. На чистом английском языке незнакомый голос заявил, что адмирал Берд приглашается для переговоров. На переговорах обе стороны достаточно быстро пришли к взаимопониманию. Между ними был заключен договор, точного текста которого я не знаю. Мы можем лишь попытаться реконструировать его в основных частях.

Главное условие, которое выдвигали нацисты – это чтобы базу оставили в покое. Что они могли предложить взамен? Развитые технологии, в которых США отчаянно нуждались ввиду начавшегося противостояния с коммунистической Россией. Свою поддержку в деле освоения Антарктиды – тоже достаточно ценный фактор. Кроме того, судя по всему, нацисты требовали, чтобы США не препятствовали деятельности Скорцени и его организации ОДЕССА. Это косвенно подтверждается тем фактом, что именно в 1947 году американцы резко прекратили искать и наказывать нацистских преступников; более того, именно после экспедиции Берда Борман получил возможность покинуть свое тайное убежище и уплыть к ледовым берегам.

Однако получить согласие Берда – это было самым легким. Гесс понимал, что гораздо труднее будет заставить принять этот тайный договор американские власти. И на этот случай им был приготовлен еще один козырь. 25 февраля 1947 года подводный крейсер «Вестфален», вышедший из антарктической базы, достиг широты Нью-Йорка и выпустил баллистическую ракету А4 по американскому побережью. Рейд «Вестфалена» показал, что города США практически беззащитны перед ударами немцев. Конечно, можно было перекрыть весь океан противолодочными патрулями, принять все меры предосторожности… Но даже один прорвавшийся подводных крейсер с ядерными ракетами на борту мог разом загубить несколько сотен тысяч драгоценных американских жизней. А на такой риск президент Трумэн и его команда идти не хотели.

С тех пор началось – и, возможно, продолжается до сих пор – обширное сотрудничество между антарктическим рейхом и Соединенными Штатами. США, таким образом, стали первым и самым главным наследником Третьего рейха.

Японский след

Япония была последним, самым верным союзником Третьего рейха. Более того, она продержалась на несколько месяцев дольше. Поэтому надежды и чаяния многих нацистов были ближе к концу войны связаны со страной Восходящего солнца.

В марте-апреле в Японию сплошным потоком текли немецкие технологии. Это в общем-то никто и не скрывает. Любопытно другое – часто эти поставки осуществлялись в ущерб коммуникациям с Антарктидой. Ведь лишних подлодок у рейха не было. Значит, здесь мы опять сталкиваемся с конфликтом интересов в гитлеровском руководстве – только с каким на этот раз? Кто лоббировал отправку новейших технологий дальневосточному союзнику?

Впрочем, только ли технологий? В апреле 1945 года на подводной лодке U-861 в Японию отправилась весьма ценная реликвия – Меч Тайра. История этого меча весьма примечательна: в соответствии с легендой, он был выкован еще в X веке и долгие годы являлся семейной реликвией самурайского рода Тайра. В XII веке Тайра и другой аристократический род – Минамото – боролись за контроль над Японией. Минамото выиграли, практически все Тайра были уничтожены, и меч пропал. Он вновь появился на поверхности в XVI веке, когда шла борьба за объединение Японии. Тогда же стали ходить слухи о волшебных свойствах меча. Вроде того, что его обладатель наделяется божественной силой и властью над людьми.

Меч Тайра вплоть до середины XIX века передавался из поколения в поколение в династии правителей-сегунов. Но в 1868 году происходит так называемая «революция Мэйдзи» – свержение сегунов и возвращение всей полноты власти императору. Во время

бурных событий меч исчезает – говорят, кто-то из дальних родственников свергнутого сегуна прихватил его, бежав в Европу. Но ни власти, ни силы меч, очевидно, ему не дал, потому что в 1901 году он «всплывает» в частной коллекции знаменитого венского мецената Герберта Линца. Судя по всему, меч настоящий – потому что пару месяцев спустя на галерею Линца совершается ночное нападение с явно японским почерком – охранника нашли зарубленным самурайским мечом. Однако ценная реликвия хранилась в сейфе, который оказался не по зубам грабителям. Тем не менее Линц поспешил во избежание дальнейших эксцессов продать меч. Имя нового владельца держалось в строгом секрете.

Снова на поверхности Меч Тайра оказывается в 1936 году, когда большой любитель искусств рейхсмаршал Геринг активно конфискует еврейское имущество в свою пользу. У одного богатого предпринимателя он и обнаруживает искомый меч. Однако владеть реликвией «толстому Герману» приходится недолго: Гитлер, знавший о волшебной силе оружия, забирает его себе. Гиммлер, не менее охочий до подобных «диковин», активно выпрашивает меч у фюрера, но получает жесткий отказ. В 1940 году с просьбой вернуть меч выступает лично японский император Хирохито, однако получает в ответ лишь расплывчатые обещания. Говорят, такое поведение Гитлера сыграло не последнюю роль в том, что Япония не присоединилась к его нападению на Россию год спустя.

Как бы то ни было, но в сорок пятом Меч Тайра – снова в Японии. А вместе с ним – куча драгоценных германских технологий, на основе которых был создан, к примеру, японский реактивный истребитель – ухудшенная копия знаменитого «Мессершмита-262». Кто же в руководстве Третьего рейха лоббировал японские интересы? А ведь это должно было быть высокопоставленное лицо, способное распоряжаться реликвиями и подводными лодками…

Найти этого человека оказалось очень непросто, действовать пришлось методом исключения. Гесс и Борман были целиком заняты Антарктидой и на Японию отвлекаться просто не могли. Геринг думал в основном о себе и никаких далеко идущих планов не строил. Гиммлер планировал договориться с западными союзниками и стать правителем Германии. Геббельс был исключительно предан своему фюреру и о спасении не помышлял, иначе бы он не покончил с собой в Берлине в апреле сорок пятого…

Все «вакансии» оказались заняты. Надо было попытаться зайти с другого конца – выяснить, кто отдавал приказы на отправку подлодок. И здесь открылась весьма любопытная вещь – оказывается, контактами с Японией заведовал бывший командующий германских военно-морских сил гросс-адмирал Редер! Именно он снаряжал и отправлял подводные лодки, именно он отрывал куски от антарктических конвоев и бросал их на Дальний Восток.

Покопавшись в биографии адмирала, я понял, что прав. Редер очень активно интересовался Японией, дважды был в этой стране – перед Первой мировой войной и в 1920-е годы, был лично знаком со многими офицерами японского флота. Ему нравилась японская культура, японские традиции, и одно время после мирового экономического кризиса он думал о том, чтобы вообще эмигрировать в Японию. Ведь там – мощный, активно развивающийся флот, здесь – жалкий обрубок… Но к власти пришел Гитлер, и таланты Редера снова понадобились в Германии. Однако своей симпатии к Японии адмирал не утратил и немало способствовал заключению в 1936–1937 годах германо-японского союза. В одной из докладных записок ближе к концу войны Редер писал:

Нам следует укрепить наши связи с Японией, которая является важнейшим из государств Азии. Ведь в ее судьбе много общего с судьбой Германии, недаром многие называли ее «Пруссией Востока». Только союз двух великих государств сможет достичь господства над миром. Судьба Германии – властвовать в Европе и Атлантике, Японии – в Восточной Азии и на Тихом океане.

Но в одиночку Редер не смог бы добывать технологии и реликвии. Значит, у него должен быть помощник среди высокопоставленных чинов СС. И такого чиновника мне удалось быстро найти. Это был не кто иной, как шеф гестапо Генрих Мюллер.

Мюллера, также как и Бормана, так и не смогли найти после разгрома Третьего рейха. С Борманом, впрочем, все ясно – он уплыл в Антарктиду. У Мюллера такой возможности не имелось – с главарями Новой Швабии у него были отвратительные отношения. На снисхождение союзников он, в отличие от Гиммлера, не рассчитывал – слишком много преступлений числилось на его совести. После войны часто строили предположения, что Мюллер скрывается в немецких поселениях в Латинской Америке. Но я, выросший в одном из таких поселений, могу со всей ответственностью заявить: его там не было.

Куда же было бежать Мюллеру? Разумеется, в Японию – к последнему воюющему союзнику Третьего рейха. Власть и авторитет шефа СС в последние годы существования нацистской Германии были столь велики, что он мог свободно забирать себе многие передовые технологии, не спрашивая на это особого разрешения. К тому же, судя по всему, у Мюллера были свои люди в «Аненэрбе», но кто они – я, честно говоря, не знаю. Возможно, в их числе был Шеффер, который после завершения в 1944 году таинственного проекта «Лапландия» вернулся в рейх и возглавил тибетский отдел института «Аненэрбе». При этом «тибетцы», поддерживаемые самим Гиммлером, откровенно недолюбливали своих соперников из числа исследователей Антарктики. Поэтому неудивительно, что после поражения Германии эта группа не последовала за большинством на ледовый континент, а предпочла удалиться в Тибет. Разумеется, им было выгодно поддерживать тех, кто делал ставку на Японию – в конечном счете, резервный вариант еще никогда и никому не мешал. Последняя экспедиция Шеффера была невелика – всего лишь около 30 человек. Возможно, именно поэтому ей удалось проникнуть сквозь бурлящую Азию и добраться до Лхасы – столицы Тибета. Что случилось с группой эсэсовцев дальше, никому не известно. Возможно, все они погибли под горной лавиной; а может быть, добрались-таки до заветной Шамбалы. Кто знает?

В любом случае, германские технологии сослужили японцам неплохую службу. Ведь до сих пор экономисты спорят о причинах «японского чуда» – небывалого взлета японской экономики в 50-60-е годы. Тогда Япония сделала настоящий индустриальный рывок, заполонив своими товарами весь мир и составив серьезную конкуренцию Соединенным Штатам. Как это у нее получилось? Ведь японские ученые в то время были не особенно сильны и собственных технологий не разрабатывали.

К слову сказать, как ни парадоксально это звучит, но именно данным обстоятельством многие объясняют «японское чудо». Типа, японцы не тратили деньги на дорогостоящие исследования, а закупали готовые ноу-хау и запускали их в производство. Простите, но это же откровенный бред – если бы было выгодно так поступать, никто в мире вообще не занимался бы разработками. На самом деле никто не продаст свое ноу-хау задешево – большинство компаний хранят новые технологии за семью печатями, потому что это – залог их успеха. А если и продадут свое изобретение, то за деньги, многократно превышающие стоимость разработки. Нет, на простой скупке чужих технологий больших денег не сделаешь. Тем более что применявшиеся японцами решения часто опережали все, что имелось в Западной Европе и США.

Так откуда же тогда японцы брали свои технологии? Ответ очевиден – из наследства Третьего рейха. Фактически все японское «экономическое чудо» основано на германских разработках предвоенных и военных лет. Таким образом, Япония тоже получила немалую выгоду от союза с немцами.

Русские и «Шаттл»

После кончины Третьего рейха русским досталось не так уж много, хотя и не так уж мало. Крупные ученые в основном бежали на Запад или в Антарктиду, в руки советских войск попадала главным образом довольно мелкая сошка. Зато многие секретные объекты и производства, которые строили в восточных областях Германии, чтобы уберечь от американских бомб, оказались после войны в советской зоне влияния. Русским, таким образом, досталось немало немецких технологий.

Впрочем, и с кадрами все было не так уж плохо. На русских после войны работал ряд крупных немецких ученых. Речь идет, в частности, о докторе Вольфганге Зенгере, австрийском инженере, создателе самого необычного самолета первой половины XX века – так называемого бомбардировщика-антипода, идею которого он изложил еще в 1933 году в своей работе «Техника ракетного полета». В одной из немногих книг, где есть упоминание об этом уникальном проекте, сказано буквально следующее:

Суть идеи заключалась в том, что при быстром снижении самолета с очень большой высоты (порядка 250 километров) в плотные слои атмосферы он должен рикошетировать от верхних слоев атмосферы, вновь поднимаясь в безвоздушное пространство; повторяя многократно это движение, самолет должен описывать волнообразную траекторию, подобную траектории плоского камня, многократно рикошетирующего от поверхности воды. Каждое погружение самолета в плотные слои атмосферы будет сопровождаться некоторой потерей кинетической энергии, в результате чего последующие прыжки самолета будут постепенно уменьшаться, и, в конце концов, он перейдет на планирующий полет.

Конструкция самолета воплощает в себе целый ряд уникальных особенностей. Хотя он и сохраняет очертания обычного самолета, его особые аэродинамические свойства, вызываемые исключительно большой скоростью и специальной техникой полета, обусловливают необходимость придания фюзеляжу самолета острой оживальной формы в носовой части. Фюзеляж как бы срезан горизонтально по всей его длине так, что его нижняя часть представляет собой плоскую поверхность. Ширина фюзеляжа больше его высоты и позволяет разместить два ряда цилиндрических баков для топлива. Сравнительно небольшие трапециевидные крылья предназначены, главным образом, для стабилизации самолета в полете и для использования при посадке. Крыло имеет обычный профиль с максимальной толщиной, равной 1/20 хорды. Установочный угол атаки крыла такому самолету не нужен; при низком расположении крыла несущие поверхности фюзеляжа и крыла образуют единую плоскость. Вертикальное оперение размещено на концах горизонтального стабилизатора самолета. На самолете предполагалось установить ракетный двигатель, работающий на жидком кислороде и нефти, с тягой 100 000 килограммов.

Взлетный вес самолета проектировался 100 тонн, вес самолета без топлива 10 тонн и полезная нагрузка 3 тонны. Взлет самолета должен был осуществляться с горизонтального рельсового пути длиной 2,9 километра при помощи мощных стартовых ускорителей, способных сообщить самолету скорость на взлете порядка 500 метров в секунду; угол набора высоты должен был составлять 30 градусов. Предполагалось, что при полном выгорании топлива самолет разовьет скорость 5900 метров в секунду и достигнет высоты 250 километров, откуда он будет пикировать до высоты около 40 километров, а затем, оттолкнувшись от плотного слоя атмосферы, вновь уйдет ввысь.

Большое влияние на конструкцию самолета оказало стремление к уменьшению лобового сопротивления и снижению до минимума эффекта трения поверхности самолета о воздух в полете при больших числах Маха. Максимальная дальность полета самолета проектировалась до 23 400 километров.

Считалось, что соединение из ста ракетных бомбардировщиков способно в течение нескольких дней подвергнуть полному разрушению площади, доходящие до размеров мировых столиц с пригородами, расположенные в любом месте поверхности Земного шара.

Сам Вольфганг Зенгер был к моменту написания своей книги уже достаточно солидным человеком, хорошо известным в научных кругах. Он родился в 1889 году в Вене в семье чиновника. Отец мечтал, что сын пойдет по его стопам, однако в юном Вольфганге рано проснулась страсть к технике. Говорят, в детстве он больше всего любил сам мастерить игрушки, а полученные в гимназии знания в области точных наук стремился немедленно воплощать на практике.

В 1914 году Зенгер, окончивший к тому моменту Технический университет в Вене, отправился добровольцем на фронт. Трижды раненый, он пережил и позор поражения, и горечь революции, и разочарование от неудачной попытки присоединить Австрию к Германии в 1918 году. Именно в те годы сформировались политические взгляды Зенгера – немецкого националиста, что и стало впоследствии причиной его симпатий к нацистам. В 20-е годы Зенгер работает в различных научных центрах, изучает физику и механику, вплотную занимается теорией летательных аппаратов. Молодому ученому скучно находиться в рамках обыденного и создавать примитивные бипланы; полет его фантазии высок как ни у кого другого из его современников. В конце 20-х Зенгер серьезно задумывается о полетах в верхних слоях атмосферы и к началу 30-х создает свою нашумевшую теорию.

Несмотря на авторитет, которым Зенгер пользовался среди коллег, никто не принимает его идеи всерьез. Более того, над ним начинают посмеиваться. Это, а также тот факт, что в 1933 году к власти в Германии приходит Гитлер, побуждает австрийского инженера перебраться через границу. В Германии он пытается устроиться в какой-нибудь научно-исследовательский институт, который предоставит ему все необходимые условия для работы, и моментально попадает в поле зрения знаменитого «Аненэрбе».

Эсэсовцы всерьез заинтересованы смелым проектом, который сулит им господство в воздухе – полное и безоговорочное. Ведь бомбардировщик Зенгера был практически неуязвим, и с его помощью можно было наводить ужас на самые отдаленные уголки планеты. Увы, на данном этапе не было учтено, что такой бомбардировщик ввиду низкой полезной нагрузки мог разве что наводить ужас. И работа закипела.

Сначала работы по созданию этого уникального самолета проводились доктором Зенгером в специально созданном Научно-исследовательском институте техники ракетного полета в немецком городе Грауэне.

Как итог трехлетнего напряженного труда, к 1939 году было закончено строительство лабораторий, цехов, испытательных стендов и административного здания. Зенгер тем временем продолжал свои теоретические расчеты. В 1939 году он вместе Зенгер с небольшим, но опытным штатом сотрудников приступил к осуществлению сложной десятилетней программы исследований и экспериментов, главной целью которых являлось создание самолетного ракетного двигателя с тягой 100 тонн. В программу также входило создание помп и другого оборудования для ракетного двигателя, изучение вопросов аэродинамики самолета при скоростях полета в пределах от 3 до 30 тысяч километров в час, разработка сверхзвуковой стартовой катапульты и многое другое. Работа требовала огромных затрат, и, наверное, поэтому с началом войны на нее начали коситься все с большим неудовольствием. Даже покровители Зенгера из числа руководителей «Аненэрбе» начали проявлять заметное нетерпение. Когда же доктор объяснил им, что до успешного завершения работ пройдет еще много лет, эсэсовцы потеряли к проекту всякий интерес. Его стали откровенно обходить финансированием, а к 1942 году и вовсе закрыли в пользу ракетного проекта.

Спасло Зенгера только то, что руководитель ракетного проекта фон Браун вступился за своего недавнего конкурента и включил его команду в штат своего исследовательского центра. Почему? Косвенный ответ на этот вопрос дала информация о послевоенной судьбе необычного проекта. В одном русском источнике, затерянном в просторах Интернета, я прочел по этому поводу следующее:

Советские военные пришли к выводу, что «при успехе проекта нельзя сомневаться, что наша страна получит в свои руки страшное и неотразимое оружие». Поэтому осенью 1946 года маршал К. А. Вершинин обратился в Министерство авиационной промышленности СССР с предложением создать конструкторское бюро для создания бомбардировщика Зенгера: «По моему мнению, реализация проекта Зенгера совпадает с дальнейшим развитием самолетной и ракетной техники, а поэтому организация работ над проектом Зенгера или другим подобным ему является делом уже вполне современным, иначе мы неизбежно отстанем в данном вопросе». Слова маршала оказались пророческими: по ряду причин конструкторское бюро не было создано, а аналог бомбардировщика Зенгера в виде космического челнока Space Shuttle запустили в космос американцы.

Тем не менее было бы ошибкой утверждать, что русские упустили шанс создать свой «Шаттл». Такой многоразовый корабль был создан независимо от американцев и примерно в те же сроки. Причем, опять же, именно на основе проекта Зенгера. Русский корабль назывался «Буран» и был использован несколько раз, прежде чем «перестройка» похоронила его вместе с другими амбициозными и перспективными проектами.

Клады «Альпийской крепости»

Но, помимо Японии и Антарктиды, было еще одно место, куда Третий рейх отправлял свои секреты. Речь идет о так называемой «Альпийской крепости», в которой нацисты рассчитывали оказывать противникам последнее отчаянное сопротивление.

Идея «Альпийской крепости» зародилась осенью 1944 года. Ее автором был никто иной как рейхсмаршал Геринг. Понимая, что русские и американцы вот-вот возьмут Германию в железные тиски, он озаботился спасением своих коллекций. Но вот вопрос – где их спрятать? Лучшего места, чем заснеженные Альпы, для этого было не найти. В октябре Геринг отправляет своих офицеров для особых поручений в горы – искать безопасные пещеры. Но у рейхсмаршала на тот момент имелась масса недоброжелателей, поэтому о его пораженческих действиях немедленно доложили Гитлеру. И через пару недель разгневанный фюрер вызвал «верного Германа» на ковер.

Геринг не был дураком и моментально продумал линию защиты.

Мой фюрер, я спасаю свое имущество?! Да ни в жизнь! Я готовлю новый несокрушимый укрепленный район, который станет последним бастионом на пути орд захватчиков!

Настроение Гитлера мгновенно поменялось, и он назначил Геринга ответственным за сооружение «Альпийской крепости». Делать нечего – пришлось рейхсмаршалу браться за работу.

Укрепленный район должен был охватить юг Германии и западную часть Австрии – труднопроходимую гористую местность, где совершенно невозможно было действовать танкам и очень трудно – самолетам. Условия для обороны в горах идеальные, небольшие группы обороняющихся способны надолго задержать вражеское наступление. Есть только одно «но» – в горах крайне трудно создавать инфраструктуру и производство, да к тому же ресурсы брать неоткуда. Поэтому Геринг первым делом озаботился переброской в Альпы всевозможных технологий и промышленных мощностей, буквально вырывая их из лап конкурентов, и только потом начал создавать оборонительные рубежи. Хуже всего обстояло дело с войсками – оборонять «Альпийскую крепость» было решительно некому. Единственное, что смог сделать Геринг – это перебросить в Альпы около 30 тысяч пехотинцев, набранных из вспомогательных частей ВВС.

С укреплениями тоже была беда. Серьезные оборонительные рубежи строить было практически некому – приходилось отделываться импровизацией, использовать рельеф местности и горные пещеры. В таких же пещерах – а их в Альпах довольно много, причем, по некоторым данным, они образуют разветвленную сеть – располагались командные центры, склады, даже целые небольшие заводы… Работа велась поспешно, но завершить ее не

успели. К 9 мая – моменту капитуляции Германии – «Альпийская крепость» была скорее абстракцией, чем каким-то реальным укрепленным районом.

Союзники заняли Альпы в двадцатых числах мая. Они искренне рассчитывали захватить немало интересного, но… «крепость» оказалась пуста, как выпитая бутылка шампанского. Только тонкие цепочки пленных да горстка оружия стали достоянием победителей. Последними сдались офицеры личной охраны Геринга, которых он тоже отправил в этот район.

Ситуация получалась весьма странной. В изобилии сохранились документы, которые свидетельствовали о переброске в Альпы большого количества разных грузов – и в то же время совершенно ничего не было найдено! Допросы пленных ничего не дали. Большинство солдат знали только, что какие-то грузы прибывали, но куда они делись потом – об этом никто не мог ничего сказать. Немногие посвященные успешно прятались в рядах непосвященных. После двухлетних поисков удалось обнаружить лишь одну тщательно замаскированную пещеру, где нашли настоящий склад произведений искусства. Дальнейшие попытки найти что-нибудь ценное закончились ничем.

Судя по всему, нацистские клады в Альпах не открыты до сих пор. В принципе, об их местонахождении известно довольно много. Так, по слухам, часть ценных грузов нацисты утопили в Боденском озере. Здесь, в восточной части этого крупного водоема, есть довольно большие глубины и в изобилии бьющие из дна ключи. Именно в этом районе в середине мая необъяснимым образом бесследно пропали несколько крупных речных кораблей. Есть несколько человек, которые видели, как на эти суда люди в форме военно-воздушных сил грузили большие железные ящики. Потом корабли, похоже, затопили. Найти их точное местоположение невозможно – сложный рельеф дна не позволяет качественно сработать эхолоту, а мутная вода у самого дна делает бесполезными любые спускаемые аппараты. В разные годы несколько аквалангистов пытались добраться до затопленных кораблей, но все они погибли при загадочных обстоятельствах. Боденское озеро свято хранит доверенные нацистами тайны.

Многое, судя по всему, до сих пор лежит в альпийских пещерах. Ведь их сеть неизвестна до сих пор, а входы часто наглухо запечатываются лавинами и обвалами. В 1976 году один альпинист, штурмуя практически не исхоженный коллегами склон, обнаружил торчащие из-под снега металлические ящики с оттисками в виде имперских орлов. Забрать их с собой он, естественно, не смог, а когда два месяца спустя привел на это место специальную экспедицию, то ничего не смог обнаружить. Похоже на то, что не только природа помогает хранить секреты Третьего рейха…

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Ставить точку – это всегда очень трудно. Особенно когда еще есть о чем рассказать читателю. Исследуя «атомный проект», я наткнулся на множество других интереснейших сюжетов, о которых большинство людей и не подозревают. Например, только узкий круг посвященных знает, какие образцы химического и биологического оружия были созданы в Третьем рейхе и как они использовались. Я убежден, что и пресловутый СПИД был создан в лабораториях нацистской Германии, и у меня на руках достаточно данных для того, чтобы доказать это.

В процессе поисков мне пришлось постоянно расширять свой кругозор. И я – впрочем, без всякого удивления – обнаружил, что не только Германия занималась разработкой уникального и сверхсекретного оружия. Другие страны мира тоже активно этим занимались. Причем я говорю не только о мировых лидерах, но и о таких малых государствах, от которых не ждешь особых сюрпризов. Практически у каждой страны есть свои «скелеты в шкафу», и поэтому тайны Второй мировой войны не раскрыты до сих пор.

А нужно ли их раскрывать, эти тайны, быть может, спросите вы. Не лучше ли оставить историю в покое, не ворошить прошлое? Я искренне убежден: да, тайны должны быть раскрыты. Потому что они принадлежат не только прошлому. Потому что я уверен, что над нами сейчас нависла угроза, от которой нельзя отворачиваться и зарывать голову в песок. Вспомним историю НСДАП: сначала Гитлер пытался захватить власть силовыми методами, но «пивной путч» был подавлен, и будущий фюрер перешел к легальной борьбе. Десять лет спустя он получил власть законным путем. Вся история Третьего рейха – это своеобразный «пивной путч» в мировых масштабах, который тоже провалился. И сегодня нацисты, действуя по всему миру, готовят новый 1933 год. Захватывая лидирующие позиции в экономике, продвигая себя в политической сфере. Праворадикальные движения ведь есть в любой стране, во Франции и Австрии они, например, весьма близки к тому, чтобы победить на выборах. Их победы в мировом масштабе нельзя допустить.

Тем более нельзя допустить использования многих разработанных в Третьем рейхе технологий, о которых большинство людей не подозревает и которые по сегодняшний день остаются секретным оружием многих стран. Если это оружие пустят в ход, человечество погибнет. Именно поэтому я никогда не прекращу свою работу.

Конечно, я и сам многого не знаю, много скрыто от меня «белыми пятнами». Но если мы согласимся не закрывать на них глаза, не ограничиваться убогой лубочной картинкой, которую подсовывают нам в чьих-то корыстных интересах продажные историки, мы рано или поздно прикоснемся к истинному знанию. Вера в это поддерживает меня и заставляет продолжать мои исследования.

Удачи и до новых встреч!

Примечания

1

Речь идет, судя по всему, о книге Э. Кассе «Третья мировая – психотронная война», которая была опубликована нашим издательством в прошлом году.